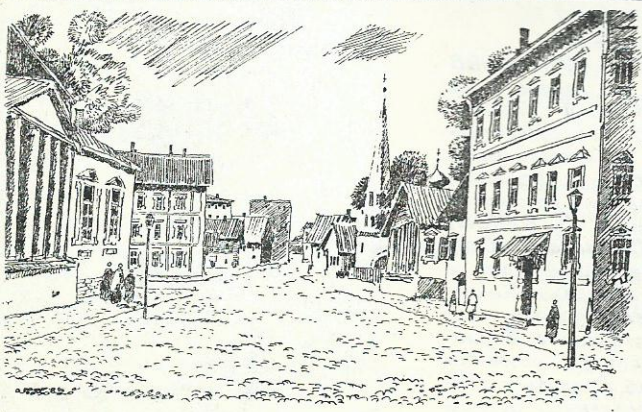
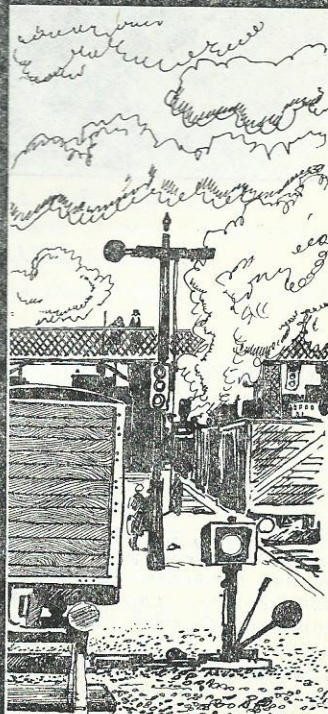
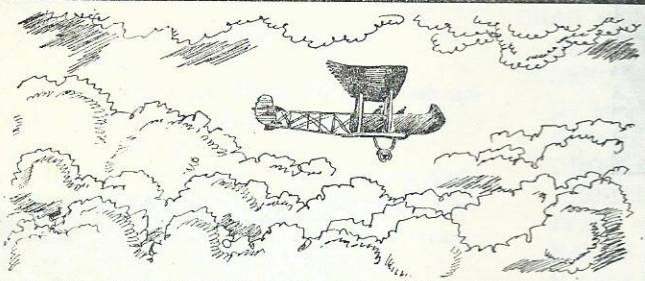
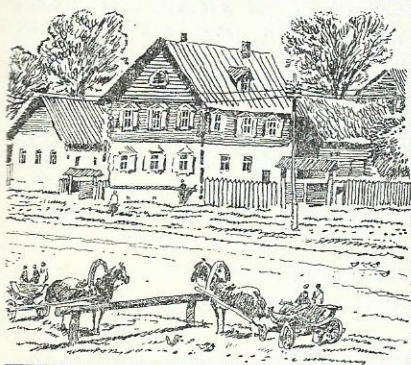
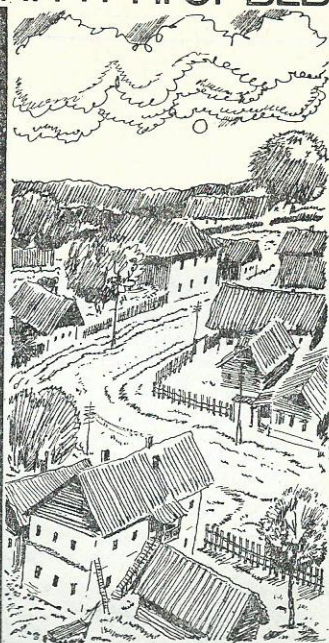
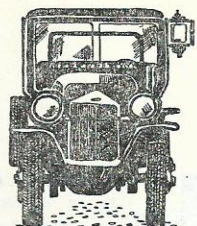
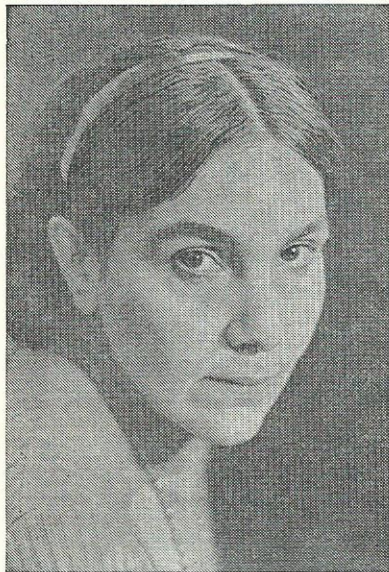

НИНА АЛЛАХВЕРДОВА • ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВ

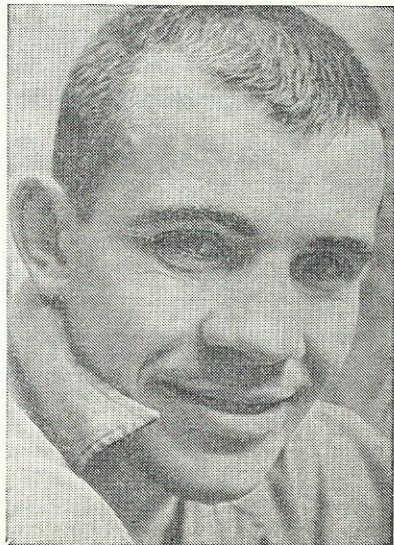
ПИОНЕРКА
МЭРИ
ПИКФОРД

НИНА ГРАНТОВНА АЛЛАХВЕРДОВА работала пионервожатой, затем заведующей школьным отделом райкома комсомола в г. Баку. Училась на факультете журналистики МГУ, на Высших сценарных курсах Госкино СССР. Член Союза журналистов СССР. С 1959 года выступает в печати. Работала редактором в журнале «Пионер», очеркисткой «Комсомольской правды». По ее сценариям снято два документальных фильма: «Танцуют мужчины», «Идущие впереди».

ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ГРИГОРЬЕВ (родился в 1934 году) работал на заводе и на комсомольской стройке. В 1963 году окончил сценарный факультет ВГИКа. По его литературным сценариям поставлены художественные фильмы: «Наш дом» (режиссер В. Пронин), «Три дня Виктора Чернышева» (режиссер М. Осепьян), награжденный призом ЦК ВЛКСМ; «Горячий снег» (режиссер Г. Егиазаров), «Своя земля» (режиссер П. Тодоровский), «Романс о влюбленных» (режиссер А. Михалков-Кончаловский). Фильм «Романс о влюбленных» получил «Гран-При» на кинофестивале в Карловых Варах в 1974 году. За участие в создании фильма «Горячий снег» Евгений Григорьев удостоен звания лауреата Государственной премии РСФСР имени братьев Васильевых.

Хроника. Фотодокументы.

Кризис на Западе. Разгон демонстраций. Арестованные. Очереди безработных.

В Италии парад фашистов. Муссолини. Выступление Маяковского: «Левой! Левой! Левой!»

Лапотная Россия. Лошади. Первые трактора. Первые станки.

Начало строительства Днепрогэса. Новые дома в Харькове. Начало строительства Магнитки.

СССР СТРОИТ ГИГАНТЫ ИНДУСТРИИ! *

Во весь кадр — толпы народа.
ДАЕШЬ!

Токио. 1929 год. Март. Убит левый депутат парламента Ямамото Сэндзи.

ДОЛОЙ ФАШИЗМ!

ДОЛОЙ ПРАВЫХ СОГЛАШАТЕЛЕЙ!

1929 год. Май. Парад на Красной площади. Руководители партии и правительства.

СССР СТРОИТ СОЦИАЛИЗМ!

ДОЛОЙ ПРАВЫЙ УКЛОН!

ДОЛОЙ!

Звучит танго.

Звучит эстрадная песенка.

Звучит «Интернационал».

Играет гармошка.

ДОЛОЙ ЛЕВЫЙ УКЛОН!

ДОЛОЙ!

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ОБОСТРЯЕТСЯ!

Очереди на бирже труда.

* Крупный шрифт здесь и далее означает титры на экране.

Беспризорники.

Сверкающие витрины нэпманских магазинов.

Заседание Коминтерна.

СССР СТРОИТ СОЦИАЛИЗМ!

Новые дома.

Новые ясли.

Новые парки.

Новые скульптуры.

Новые художники.

Новый, освобожденный советский человек.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КУЛЬТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ!

На красном фоне — белыми буквами:

ПИОНЕРКА МЭРИ ПИКФОРД.

ПИОНЕРКА МЭРИ ПИКФОРД.

ПИОНЕРКА МЭРИ ПИКФОРД.

Титры цветные и очень беззаботные:
КАКИЕ НАШИ ДЕТИ?

Черно-белые фотографии и стоп-кадры из хроники.

Только документы.

Школы образцовые и показательные.

Группы учеников. Детдомовцы. Дети на улице. Беспризорники. Дети и взрослые.

Первые пионеры. Барабаны. Горны. Знамена. Галстуки.

1929 ГОД.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПЕРВЫЙ СЛЕТ ПИОНЕРОВ!

КЕМ ТЫ ХОЧЕШЬ БЫТЬ?

КЕМ?

ЧТО ТЫ ХОЧЕШЬ ПРИНЕСТИ РЕСПУБЛИКЕ?

С ЧЕМ ТЫ ПРИДЕШЬ В БОЛЬШУЮ
ЖИЗНЬ?

ОБЩЕСОЮЗНАЯ ДИСКУССИЯ ЖУР-
НАЛА «ПИОНЕР».

ПИШИТЕ НАМ!
ПИШИТЕ!

На зеленых холмах тихо и вольготно раскинулся старый губернский город, с липами, акациями, с заборами и полисадниками, с побитыми куполами старых церквей, с красными флагами, с галочьим роєм над ними.

В РЕСПУБЛИКЕ, ПЕРВОЙ НА ЗЕМ-
НОМ ШАРЕ, ГДЕ ПОБЕДИЛ ПРОЛЕТА-
РИАТ, ЖИЛ-БЫЛ МАЛЬЧИК ФЕДЯ.

Широкое поле бывшего ипподрома.

Несколько старых заброшенных аэро-
планов.

Разбитые и износившиеся телеги, ко-
ляски, брички. Колеса, трубы, какие-то де-
тали неведомых машин, железный лом,
нагромождение мебели, два бронзовых
памятника с погонами на плечах, с зане-
сенными перстами и отбитыми голова-
ми — все это свалено под деревянными на-
весами.

Один воздухоплавательный аппарат
свежевыкрашен. На борту гордо и незави-
симо выведено: «Ультиматум».

Рядом группа ребят, внутри возится
Федя. Ему лет четырнадцать, у него свет-
лые, выгоревшие от солнца волосы, обвет-
ренные, потрескавшиеся губы, руки и но-
ги в ссадинах и царапинах.

ГОД РОЖДЕНИЯ — 1915.

ОТЕЦ — НАБОРЩИК. РАССТРЕЛЯН
БЕЛОЧЕХАМИ.

МАТЬ — РАБОТНИЦА.

Лучший друг Сережа читает газету:

— «Всем! Всем! Всем! Навстречу Пер-
вому Всероссийскому слету пионеров! Чем
встретит слет каждый пионер?..» Ничего,
мы встретим!..

Среди ребят затесалась одна девочка.
Она почтительно следит за Федей. Это —
Даша.

Из-за угла показался сторож. В буде-
новке, несмотря на теплый летний день, и
с берданкой. Он подошел к аэроплану, по-
гладил ласково надпись, похлопал маши-
ну. Откуда-то извлек окуроч, чиркнул
спичкой о надпись и закурил. Присел в
полуразвалившемся кресле.

— Летишь?

Федя оглянулся, сказал серьезно:

— Не работает.

Сторож захохотал, затрясся от смеха,
закидывая голову, так что кресло под ним
рассыпалось вконец. Докурил, потом уже
встал. Объяснил:

— Дураков не осталось, всех в восем-
надцатом... — И он прицелил пальцами.

Ребята обиделись. Сережа был вожак и
считал своим долгом ответить на оскорби-
тельный смех:

— А где же ты был?

Сторож осмотрел его, собрал рассыжав-
шееся кресло, сел, снова закурил.

— Я где был? Контру рубал. Свободу
для вас завоевывал! До океана гнал! За
мировую революцию! А теперь — мирная
передышка. НЭП! А ну, пошли отсюда.
Пошли, пошли с хозяйственной террито-
рии..

И ребята ушли, молчаливые и удручен-
ные.

Даша сказала рассудительно:

— Если бы на нем можно было летать,
на нем давно бы улетели.

Она умная была, Даша, все правильно
понимала и делала всегда такие выводы,
которые подсказывала и подсовывала ей
жизнь.

Ребята глянули в ее сторону, но ниче-
го не ответили, а за забором призывно
запел сторож:

— «Так пусть же Красная сжимает гор-
до свой штык мозолистой рукой!..»

Пропел одну строчку и замолчал.

— А на слет, — сказала Даша, — можно
кроликов повезти. Они тоже нужны... Я са-
ма читала... В газете... Кролики...

Сережа не выдержал:

— Кроликов? Ты их на рынок тащи. На

рынок! Нам — крылья! Крылья нужны!
Кролики...

Он прибавил шаг. Ребята тоже. И Даша как-то отстала одна со своими мелкими кроличьими заботами.

Ребята стоят на высоком откосе. В небе над головой тянутся ленивые летние облака. Федя смотрит на них, прищурившись, слюнявит палец, поднимает его, измеряя силу ветра.

Сережа сидит на странном велосипеде и примеряет большие матерчатые крылья.

В конце крутого стремительного спуска — несколько построек, за ними — спокойная широкая река, лесные дали и непонятный манящий горизонт.

Ребята выжидательно смотрят на Федю.

— Начали,— говорит Федя.

У одного из амбаров собралась компания зевак. Пережитки старого мира тоже интересовались, что у пионерии получится.

Федя закончил проверку. Выпрямился. Остальные тоже подтянулись, как перед клятвой.

РОДНАЯ И ЛЮБИМАЯ...

И оттуда, от горизонта, как прошедшее и как будущее, дрогнул мотив песни о героической Красной Армии: «Так пусть же Красная сжимает гордо...»

ГОРДОСТЬ РЕСПУБЛИКИ...

Смотрит отсталый элемент...

ЛЮБИМОЕ ДЕТИЩЕ ПОВЕДИВШЕГО
ПРОЛЕТАРИАТА...

Пионеры отдали салют.

НАДЕЖДА ВСЕХ УГНЕТЕННЫХ...

Стоят ребята.

НАША РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ...

Приготовился Сережа.

КРАСНАЯ АРМИЯ...

Сережа пробует еще раз крылья.

ДОЛЖНА ИМЕТЬ КРЫЛЬЯ...

Сережа приготовился, ждет команды
Феди.

ЧТОБЫ ДАТЬ...

Федя поднял руку. Застыл.

ПОСЛЕДНИЙ И РЕШИТЕЛЬНЫЙ...

Отмашка. Велосипед устремляется
вниз.

«Пережитки» даже встают.

Сережа оставляет руль и расправляет крылья. Порыв ветра швыряет его в одну сторону, велосипед — в другую.

Мелодия песни уходит.

Ребята, оцепенев, стоят на месте, ничего не понимают, ничего не могут сообразить.

Зато «пережитки» в полном восторге. Они хохочут. Показывают пальцами. Хлопают о голенища сапог.

Ребята бегут вниз.

Сережа лежит с поломанными крыльями, лицо почернело от крови и земли. Сжав зубы, он кивает на лопнувшую штанину:

— Нога...

Даша вскрикнула. Приложила руку ко рту. Побежали слезы... Федя резко обернулся к ней:

— Пионерка.— И склонился над другом: — Мы полетим, Серега...

Сережа разжал губы, ему было очень больно. Капли пота покатались по лбу. Выговорил:

— Тебе — верю.

По небу плыли облака. Торопились за горизонт. Кружились и кричали галки над ободранными побежденными куполами старорежимных церквей. Где-то обрадованно и злорадно заиграла гармошка.

Три одинаковых черных «фордика» стоят у городского учреждения. На учреждении висят лозунги и портреты.

У крыльца, на лавочке, в ожидании сидят шоферы в черных кожаных тужурках. Им скучно. Полдень. Жара.

Перед машинами появляется Федя. Крутится около них. Рассматривает.

Шоферы со скуки рассматривают его.

Куры в соседнем палисаднике никак не угомонятся, несмотря на жару.

Старший из шоферов рассеянно снял кожаную фуражку, стал обмахиваться:

— Нравится?

Федя посмотрел ему в глаза:

— Да.

Шоферы вяло улыгнулись. Младший расстегнул тужурку.

— Хочешь прокатиться?

— Хочу, — с готовностью сказал Федя.

— Садись.

Федор сел. Тихо, чтобы не вспугнуть. Погладил руль. Посмотрел на шоферов.

— Теперь кати.

И машина покатила.

Шоферы даже задохнулись. Поперхнулись. Замычали. Младший глупо и нервно засмеялся.

Машина сделала изящную восьмерку. Резко остановилась.

Федя старался глядеть добродушно.

— Вылезай, — старательным ласковым голосом попросил тот, что шутил.

Федя вылез.

Шофер сделал стремительное движение к своей машине и схватил ее за борт. Другие тоже придвинулись к своим автомобилям.

— Ты что ль, — наконец выговорил шофер-шутник, — на ипподроме с аэропланом возишься? Как тебя, Коля, Степа?

— Федя.

— Ага, точно. Вот, Федя, иди, и чтоб мы тебя здесь рядом не видели!

— А чего?

— Иди, иди, — хором замахали шоферы, закрывая и заслоняя свои машины. — Иди.

— Василь Васильич, — спросил младший у старшего. — Посмотри. Мелочь. На, возьми на конфеты за свою лихость и за мою глупость.

— Это точно, — подтвердил старший.

— Не надо мне конфет. Дядь, помоги те, а?

— Знаем, знаем твои номера. Молодец! Приходи — покатаем. Иди, иди отсюда. Слышал?

— А чего?

— А если б разбил?

— Так цела.

— Иди, иди, — снова замахали, как от зубной боли.

— Эх, вы, — сказал Федя. — Кучера. Кучера вы и есть. А виду напустили, кожу надели!

Старший кивал головой и вытирал лицо платком.

— Иди, иди, — сказал он. — Иди, парень, как тебя, Сережа... И не приходи больше, здесь дело взрослое.

Бьет барабан. Звучит горн. Вдоль старых заборов по пыльной улочке старого города выпагивает пионерский отряд.

— Да здравствует Первый Всесоюзный слет пионеров! — выкрикивает чей-то голос.

И весь отряд повторяет дружно и слаженно:

— Да здравствует Первый Всесоюзный слет пионеров!

Кричат потревоженные галки.

Мальчишки восторженно бегут за отрядом.

Старухи прикладывают руки козырьком и смотрят на нынешнюю молодежь.

— «Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!..»

В старом монастыре, где размещалась кавалерийская часть, гордость всех местных мальчишек, пели красноармейцы.

Федя оглянулся на монастырь, на песню, отодвинул доску в заборе и оказался на ипподроме.

Сторож не удивился.

— А! — сказал он. — Ты? Не надоело еще?

— Здравствуйте, — сказал Федя и опустил на землю замасленный мешок, в котором звякнуло железо.

— Ну ладно, — сказал сторож. — Тогда по порядку. Кто идет?

— Свои,— серьезно сказал Федя.— Рабоче-крестьянская!

Сторож успокоился, опустил берданку.

— Тогда проходи.— И строго погрозил пальцем: — Но чтоб без водки и никаких баб. Красную не марай! Понял?

Федя не слушал его, он уже залез в машину, достал какие-то трубки, инструменты. Застучал, завозился в кабине.

Сторож расстелил белый платок, выложил еду — помидоры, хлеб, яички... Позвал:

— Федор, безнадежное дело.

Федя не отвечал.

В заборе шевельнулась доска, заглянула Даша.

Сторож достал початую чекушку. Налил. Выпил. Покряхтел с удовольствием.

— Я тебе так скажу. Никогда не пей. Сколько от этой заразы пламенных людей погибло. И еще от женщин.

Федя продолжал работать.

— А великое дело, оно всего человека требует. Он иногда так себя пересиливает, что не узнает, вот как оно его забирает. Был у нас случай... Да ты отвлекись... Ладно, работай. Так вот, старый пролетарий с двумя сыновьями за наше правое дело... Здорово сражались. Бесстрашно! С одного эскадрона мы были. И тут младшего баба окрутила. Красивая!.. Красивая!.. Но не нашего поля ягодка, ихнего. А тот молод, кровь, значит, заволновалась, и за ней. Куда? К ним! Понимаешь, какой фокус получился? Предал, значит, и товарищей, и общее дело наше пролетарское, за которое столько товарищей свои жизни отдали. Дал!..— Сторож вздохнул. Выпил еще раз. Понюхал хлеб.— А каково отцу? Потомственный пролетарий, а тут такое дело. Позор! Перехватили мы его. Сама отошли, конечно. Ну, а отец с ним поговорил: как, говорит, против своих, против своего класса, против пролитой товарищами крови? Наше дело святое, правду нашу человеческую на бабу променял? Ах, ты!..

Сторож уронил голову, по щекам побежали слезы.

Доска в заборе захлопнулась.

У Федя сорвало хомутик. Он швырнул инструмент и резко пошел от аэроплана.

— Понимаешь,— не поднимая глаз, повторил сторож, так и сказал: «Я тебя породил, я тебя и убью, но позор с нашего честного рабочего имени смою!» И своей собственной рукой...

Он открыл глаза. Поискал Федю. Тот сидел на траве и кидал камни в забор.

— Устал? Брось, не переживай. Бесполезно, но я тебя понимаю! В большом деле родственников нет, есть братья и погибшие товарищи! А как пел младший! Какой голос!

Федя молча подскочил и свирепо направился к аэроплану.

Плыли облака над старым городом, шумели галки.

Федя и его друзья продолжали начатое дело.

Снова велосипед с крылатым наездником скатывается с вершины горы.

Снова кто-то летит через велосипед. Долго...

Падает! И не встает.

Снова незаметные торжествуют и помирают со смеху.

Снова храбрый энтузиаст, на этот раз Федя, расправив крылья, несется по склону горы.

Снова летит через руль и катится по земле.

Снова «чуждый элемент» торжествует.

Но Федя встает ожесточенно. Сам! С переконенным лицом. И сам, хромя, идет навстречу товарищам.

Ремонтная мастерская «Вера, Надежда, Любовь» занималась ремонтом кастрюль, примусов, велосипедов и прочих машин и механизмов.

Хозяин, мужчина лет пятидесяти, во-

вился во дворе со швейной ножной машинкой. Крутил педаль и слушал на слух, как она работает, хотя тут же над головой крутилась пластинка, и граммофон плыл в томительном танго.

Около сарая во дворе, за изгородью, недовольно тыкались и похрюкивали молодые кабанчики.

Мастер посмотрел на них. Раз. Другой. Бросил работу. Остановил пластинку. Подошел к изгороди. Бестолково и бесполезно ткнул ее ногой. Еще больше разозлился.

— Маша, — закричал он. — Маша, убери их. Отъелись? Почувствовали силу?

Появилась женщина. Улыбнулась.

— Сейчас, Коленька. — Стала прогонять свиней. — Пошли, пошли отсюда, не мешайте. Сейчас, Коленька, мы уходим.

Мужчина, пытаясь успокоиться, закурил. Поставил пластинку с середины. Зажмурился. Нагнулся над швейной машинкой. В такт, под музыку, стал качать педаль.

Опять что-то неуловимо мешало. Он остановился. Остановил граммофон. Затаился папирсой. И лишь потом медленно повернул голову.

За спиной тихо и скромно стоял Федя.

— Здравствуйте, Николай Алексеевич, — вежливо сказал Федя.

Николай Алексеевич кивнул.

Помолчали. Кудяхтали куры. Подавали голос козы.

— Маша! — снова закричал Николай Алексеевич.

— Иду, — отозвалась женщина.

— Николай Алексеевич, — сказал Федя, — вы газету читали?

— Читал.

— Что в Англии творится?

Мужчина бросил папирсу.

— Маша!

— Иду!

— А про Днепротэс читали? — продолжал Федя.

— Федя, — перебил его мужчина, не глядя на мальчика. — Я тебе сказал, пустая

затея, он никогда не полетит. Все! Отлетался. Не приходи больше.

— А я все сделал, — продолжал свое мальчик. — Дядя Алеша запаял, починил...

— Какой дядя Алеша? — ревниво спросил мужчина. — Хромой?

— Он.

— Ах, дядя Алеша починил, — саркастически протянул мужчина.

— Я и говорю, — продолжал мальчик. — Летчик нужен, вы только можете понять. Что вам эти примуса? Свиньи ходят, хрюкают...

Мужчина замер.

— А там небо, — продолжал мальчик. — Я же вас понимаю.

Появилась женщина. Улыбнулась мальчику, она знала, что муж питает к нему слабость.

— Федя пришел, — сказала она.

— Здравствуйте, — сказал Федя.

— Я сколько раз говорил?

— Ну, Коленька!

Мужчина приподнял машинку. Поддержал. Поставил. Не разбил.

— Поеду к Грише. Хватит на сегодня. Женщина помолчала.

— Поезжай, — сказала она так же спокойно, как все говорила и делала. — А ты, Федя, иди. Иди!

Федя повернулся и молча ушел.

На улице долго не мог сесть на велосипед, нога никак не попадала на педаль.

Наконец попала. Федя выжал ее на полный оборот колеса. Сел на ходу. И лишь потом выцепил:

— Уже устали, уже спать собрались...

Где-то за поворотом улицы стучал бабаан и звенел пионерский горн.

— Да здравствует Первый слет пионеров всей страны!

Федя поднял голову и прислушался.

Свинья вынырнула из подворотни и со свинячьим криком кинулась под колеса велосипеда.

Федя попытался обогнуть ее, но неудачно: свинское животное сшибло его, вскрикнув на всю улицу, и побежало дальше.

Федя оказался на дороге. У велосипеда погнулось колесо.

Двое мальчишек выбежали из той же повороти. С восторгом смотрели вслед свинье и на поверженного велосипедиста.

Появилась Даша. Присела рядом.

— Ой, Федя, больно?

Федя молча встал.

— А я тебя ищу,— сказала Даша.— Я к тебе по делу. Ты совсем перестал ходить в отряд. Отстал. Все должны написать, кем они хотят быть. Все уже придумали. Кроме тебя. Кем ты хочешь быть?

Федя посмотрел на нее диким взглядом.

— Даешь ты, Даша.

Федя медленно едет по пустынной булыжной улице. Выхляется погнутое колесо. «Несознательный элемент» довольно скалит зубы, шутит:

— Скоро полетим?

— Перышко в дорожку!

— Ха-ха-ха!

— Хо-хо-хо!

Смешно. Уверенно. Спокойно.

Федя не замечает их, не слышит и не видит.

Базарная площадь. Выкатился беспризорник. За ним — толпа. Беспризорник на ходу закусывал украденным огурцом.

— Держи его!

— Держи!

— Чужое брать, ворье!

Мальчишка был шустрый, но толпа, распаленная потерянной собственностью, не отставала. Мальчишка оглядывался.

— А если жрать хочешь, что делать?

Его настигали, уже тянули руки.

И тут из-за толпы, обгоняя ее, выскользнул Федя на своем велосипеде.

Он поровнялся с беспризорником. Глаза мальчишки были лукавые, смешливые.

Мальчишка посмотрел на Федю, на его галстук: это был последний шанс.

— Пионер, будь готов помочь ребенку!

Федя удивился такому обращению, но кивнул головой.

Беспризорник прыгнул на велосипед, и Федя нажал на педали. Погоня продолжалась. Дышали в спину широко раскрытые рты.

— погоди!

Но велосипед был быстрее.

— погоди. Наши дураков! Э-э! Учат вас, учат.— Беспризорник сидел на раме, обратившись к погоне лицом, и беззаботно закусывал похищенным предметом, может быть, стараясь срочно уничтожить улики. Все это морально угнетало погоню. Она выдохлась и остановилась.

Остановился и велосипед.

Федя был доволен, реванш был взят. Сколько раз они смеялись над ним, над его велосипедом, над его крыльями, над его мечтой. Теперь они смотрели на него со злостью, но и с безнадёжностью, догнать они его не могли.

ТЕМНЫЕ И НЕСОЗНАТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ НА СОБСТВЕННОМ ОПЫТЕ УБЕЖДАЛИСЬ, ЧТО ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС — ЭТО НЕ БУМАЖНАЯ ВЫДУМКА И МЕЧТА АГИТАТОРОВ, А ФАКТ РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ.

Феде погрозили:

— погоди!

Федя тоже не остался в долгу:

— Покупайте облигации индустриализации страны!

Беспризорник с уважением кивнул:

— Люблю образованную пропаганду.

Он достал яблоко, предложил. Но Федя отрицательно покачал головой:

— Краденое.

Беспризорник удивился:

— Единичное жалеешь, а еще пионер. Скоро все общее будет. Сам слышал.— И пояснил: — Мы, беспризорники, против частной собственности!

Плывут облака.

У реки женщины полощут белье.

Вдоль улицы идет Федя с оставшимися друзьями. Их теперь только трое — Даша и двое мальчишек.

НО РОДНАЯ КРАСНАЯ ДОЛЖНА
БЫЛА...

Рядом с Федей велосипед. На нем сло-
жены крылья.

ПОЛУЧИТЬ КРЫЛЬЯ!

Ребята останавливаются, снимают
крылья и начинают готовить Федю к оче-
редным испытаниям. Федя морщится от
боли, он весь в ушибах.

Наконец крылья прилажены. Федя са-
дится на велосипед.

Где-то близко за углом грянул духовой
оркестр. Ребята обернулись. Из-за угла во
всей красе показалась колонна кавалерии.
Красная Армия!

Впереди ехал командир на белом коне.
За ним — оркестр, с начищенными медны-
ми трубами. Дальше — лихие запевалы
гарцевали на вороных конях:

Ведь от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее!..

И ряды грянули припев:

Так пусть же Красная...

Из домов смотрели на Красную. Радо-
вались дети. И гордились.

Сжимает гордо...

Даже «несознательный элемент» со-
смотрел на Красную Армию с уважением. Он
искренне уважал ее. Как не уважать!
А кавалеристы пели:

Свой штык мозолистой рукой...

И тут храбрый командир на белом коне
увидел странного мальчика, в синяках и
ссадинах, на искореженном велосипеде. со
странным сооружением за плечами. Стран-
ным и смешным. И командир улыбнулся.

Сбилс я и закаплялся оркестр.

Поперхнулись brave запевалы.

Засмеялся эскадрон.

Загрохотала вся улица.

Лишь четверо не смеялись. Двое маль-
чишек опустили головы, им было стыдно,
они не могли снести смеха Красной. Даша
закусила кулачок и собралась, как обыч-

но, плакать, хотя она и была пионерка и
давала слово, что больше не будет никогда.
И только Федя не вздрогнул, не опустил
глаза, не заплакал. Подняв голову, неми-
гающим взглядом смотрел он на смеющихся
кавалеристов.

И так до конца.

Эскадрон проехал, и улица опустела.

Федя повернул голову и посмотрел на
своих соратников. Двое мальчишек, уже
бывших товарищей, не глядя в глаза, бурк-
нули что-то...

...и ушли.

Даша еще сильнее закусила кулачок.
Федя оглядел ее, поморщился, болели ста-
рые раны.

Даша неопределенно вскрикнула. Федя
коротко двинул плечом, отвернулся, забыл
про все, и она, тихо обидевшись, ушла
тоже.

Он остался один.

Не спеша отстегнул одно крыло. Он не
торопился, он думал.

Он отстегнул второе крыло.

Сложил оба. Задумался.

Решительно сел на велосипед и тронул-
ся в путь.

Он едет вдоль улицы, гордый и одино-
кий.

Едет мимо домохозяек, которые сидят у
своих домов, отдыхают и заодно торгуют
нехитрыми дарами своих садов и огородов.

Едет мимо монастыря, где смеются бе-
лозубые храбрые красноармейцы.

Мимо усмехающихся «несознательных
элементов».

— Скоро полетим? — кричат они и до-
вольно хохочут.

Мимо дома с садом, где живет бывший
летчик и откуда доносится томительное
танго. В окне сидит ласковая добрая хо-
зяйка, жена бывшего летчика.

— Здравствуй, Феденька, — ласково тя-
нет она.

Мимо ее голоса.

Мимо!

Мимо всего!

Вперед!

Туда!

В калитку ипподрома!

Сторож вскинул берданку.

— Кто идет?

— Свои. Рабоче-крестьянская!

— Тогда проходи.

Около аэроплана он остановился.

Было почти тихо. Только за дальним забором, там, где птичий двор, и за которым — туда, дальше — начинался горизонт, бестолково и глупо переговзривались гуси. Он послушал. Тронул рукой надпись «УЛЬТИМАТУМ». Выдохнул... И полез в кабину.

Сторож молча и серьезно следил за мальчиком. Не мешал.

Федя влез в кабину. Впереди — забор, но за ним — горизонт и необъятный мир. Он сидел, сжавшись в комок.

Нет, он не плакал: его поколение не умело плакать и презирало слезы. Не только как слабость, но и как предательство. Они слишком много видели, эти мальчишки, много слышали и мечтали, как взрослые, о большом и яростном.

Слез у него не было, но губы дрожали от обиды. И оттуда, из-за горизонта, дрогнула мелодия родного и мужественного марша: «Но от тайги до британских морей...»

НАСМЕШКИ ВРАГОВ И НЕСОЗНАТЕЛЬНЫХ МОЖНО СНЕСТИ...

НО КРАСНОЙ АРМИИ?..

КРАСНУЮ АРМИЮ —
ГОРДОСТЬ И ЗАЩИТУ ВСЕХ УГНЕ-
ТЕННЫХ

ФЕДЯ ЛЮБИЛ БОЛЬШЕ,
ЧЕМ СВОЮ МЕЧТУ!

На белом фоне — красные буквы титров:
КАКИЕ НАШИ ДЕТИ?

Черно-белые фотографии смеющейся
Шуры Климовой.

КАКИЕ?

КЕМ ОНИ ХОТЯТ БЫТЬ?

Улыбается Шура.

НАВСТРЕЧУ ПЕРВОМУ СЛЕТУ ПИОНЕРОВ!

Шура серьезная.

ОБЩЕСОЮЗНАЯ ДИСКУССИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР».

ПИШИТЕ НАМ!

ПИШИТЕ!

Степь. До самого горизонта степь. И высокое небо без облаков, здесь их и не видели. Железные рельсы и столбы телеграфа разрезают степь надвое.

Одинокая фигура девочки. Девочка собирает цветы. Это — Шура.

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО ОТ МОСКВЫ...

Шура нагибается за цветами, поднимает голову, оглядывает степь, горизонт. Улыбается чему-то своему.

В СТЕПНОМ ГОРОДКЕ, МИМО КОТОРОГО ШЛИ Поезда

На горизонте появляется поезд. Все ближе и ближе. Шура бежит ему наперерез. Поезд пронесется мимо.

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАН,

Шура машет цветами. Смеется. Уходит поезд. Все дальше и дальше. К горизонту. Шура стоит одна на рельсах, смотрит вслед поезду.

В ДАЛЬНИХ СТРАНЫ,

Склонила голову на левое плечо. Затем переложила на правое — и так тоже посмотрела. А поезд уже далеко-далеко. И нет его, уехал!

ЖИЛА-БЫЛА ДЕВОЧКА ШУРА КЛИМОВА.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ЛЕТ.

Клуб. Киноэкран. Динамичные кадры из «Броненосца Потемкин».

В зале радостно и довольно кричат, топая ногами. И Шура тоже.

КАК ВСЕ ДЕТИ РЕСПУБЛИКИ И БОЛЬШИНСТВО ВЗРОСЛЫХ, ШУРА ЛЮБИЛА КИНО.

Кадры из фильмов с участием Мэри Пикфорд.

Шура внимательно смотрит фильм.

На экране — Мэри Пикфорд.

Шура в зале.

ШУРА НЕ ТОЛЬКО СМОТРЕЛА, ОНА
ДУМАЛА...

Кончился сеанс. Зажегся свет.

КАКУЮ БОЛЬШУЮ ПОЛЬЗУ МОЖЕТ
ПРИНЕСТИ КИНО ПРОЛЕТАРИАТУ.

Возвращаются зрители. Среди них
Шура.

И Шура вздохнула.

ВЕДЬ КИНО МОЖЕТ ВСЕ!

Шура стоит у окна. Улыбается утру.

Из-под одеяла выбирается мужчина, садится, зевая и почесывая грудь. Это отец Шуры.

На кухне хлопочет женщина. Мама.

Старушка молится в углу. Бабушка.

За окном проносится вихрь состава: из дальних стран.

Отец снова зевает, смотрит в окно. За окном — степь, железнодорожное полотно, фабричные постройки.

Гудит гудок. Отец вздыхает:

— Снова на работу.

Шура укоризненно качает головой:

— Разве сознательный пролетарий может так рассуждать?

Снова за окном проносятся состав: в дальние страны.

Отец тупо смотрит на дочь, потом по лицу расплывается улыбка:

— Дура малая.

Шура собирается в школу. Целует мать. Целует бабушку. Косится на Николу-угодника. Строго выговаривает:

— Бабушка, сколько раз я тебе говорила!

Бабушка большими добрыми руками оправляет платице, расправляет концы пионерского галстука, гладит волосы, целует в лоб внучку:

— Старенькая я, уж немного осталось.

Шура уходит, важная и твердая, в светлый прямоугольник раскрытых дверей. Бабушка смотрит вслед ей и крестит. И шепчет что-то. И улыбается.

Большой барак, переделанный под клуб. Толпятся у входа люди.

Раздвигается занавес. На сцене — участники «Живой газеты», все пионеры, все дети, потому никак не стоят на одном месте: раскручивают на подмостках карусель, возятся, пересмеиваются, поддразнивают Варю Новикову, маршируют в ряд и поют:

Мы синеглазники, мы профсоюзники,
Мы только лучшего хотим...

Варя Новикова, руководитель «Живой газеты», стоит в зале и следит за порядком на сцене. Хотя она лишь немного старше остальных ребят, но собственная значимость и серьезность очень нравятся ей самой. Она милостива и сама не прочь поозорничать, но сейчас она играет в серьезность, явно подражая кому-то.

— Кто ответственный за лозунг? Правильте правый угол. Вот так. Чуть выше.

Шура Климова поправляет плакат.

— Алеша, — не успокаивается Варя. — Что у тебя с галстуком?

Шура подскакивает к одному из мальчиков, она с готовностью выполняет все указания Вари.

— Не у этого Алеша, — снова поправляет Варя. — У Иванова.

Шура поправляет галстук и Иванову, и заодно у всех вокруг.

— Не отвлекайся, — останавливает Варя. — Петя! Сергей! Что это вы разыгрались? Люди на улице ждут, а вам весело.

Петя и Сергей в один голос с большим удовольствием копируют Варю.

— А нам весело. Ха-ха!..

Шура бросилась к мальчикам, помогая остановить карусель, которую они раскрутили до предела. Карусель повернула к зрителям щит со словами: «Живая газета». Тут же, покрутившись дальше, еще раз — «Живая газета». И еще раз, уже совсем замедлив свой темп, — «Живая газета». Шура посмотрела на Варю: смотри, мол, Варя, я все сделала.

— Вожатый «Живой газеты» опаздыва-

ет, а люди на улице ждут,— сказала Варя озабоченно, будто и не замечая Шуру.

— Давай впустим людей! Начнем без него,— сразу же наплась Шура.

Варя смотрит на нее саркастически:

— Как это «без него»?

И тут в клуб влетает, отряхивая с себя снег, юноша лет двадцати.

— Ой, Коля! — радостно закричала Шура.

— Ага! — отозвался Коля. — Вставляем в программу новость из журнала «Пионер»! Я только что из райкома. Специально к слету... Где провокаторы?

— Вот Шура! — ответила Варя.

— Опять! Опять меня посылают в зал! А когда же я буду выступить со сцены?

— Вот видишь, Коля, какая она! — возмутилась Варя. — Нельзя тебе выступить на сцене, ну как ты не понимаешь? Мы здесь людей критикуем, а у тебя у самой плохие результаты работы в семье: отец пьет, а бабушка молится... Мы тебе какой срок давали? Полгода?

— Ой, да меня в доме и так жандармом прозвали. Борюсь, борюсь, а...

— А чего ж не видно, — передразнила Шуру Варя, — ушла бабушка, а ты бы икну в огонь.

— А бабушка? — спросила Шура. — Она же плакать будет.

Петя и Сережа в один голос начинают плакать.

— Поплачет да перестанет, — сказала Варя. — Давно б у нас с красным флагом ходила.

— Жаль ее, старенькая она, — сказала Шура.

— Жа-аль? — протянула Варя. — Как же ты пионерка с жалостью? А если б она помещица была, тоже жалела?

— Ну, если б помещица...

В дверь громко стучат зрители.

— Ладно, ладно! Нашли время объясняться! — прикрикнул Коля. — Значит, один провокатор — Шура. А еще кто?

— Другие все в действии заняты, — твердо ответила Варя.

— Может быть, Громыхалина? — опять наплась Шура.

— Значит, Громыхалина. — Коля согласился сразу. — Что делать, знаешь? Стоя в зале, незаметно подогревать атмосферу. В одном конце зала — Шура, в другом — ты, Тамара. Приводим пример. Я спрашиваю: «Кто кем хочет быть, когда вырастет?» Ты, Громыхалина, первая задаеть тон и говоришь, что хочешь быть рабочей. Главное, непосредственно.

— Ага, — радостно передохнула Тамара.

— А ты, Шура, скажешь... — повернулся Коля к Шуре.

— Я знаю... — сразу же отозвалась Шура.

И Коле это очень понравилось.

— Молодец! — сказал он. — Приводим другой пример... Это для тебя, Громыхалина, чтоб ты знала свою задачу. Я кричу на сцене: «Да здравствует Первый слет пионеров, ура!» А вы? Вы первыми — что?

— Ура! — сказала понятливая Тамара.

Но Коля ее поправил:

— Ура-а-а! Есть разница!

И вот уже Петя и Сережа открывают двери, зал наполняется зрителями, а Коля говорит громко и четко, сотрясая холодный воздух:

— Товарищи! Вот я сейчас стою перед вами — парень ростом с каланчу, усы в два метра и голос, как из бочки, — го-го-го!

Шура и Тамара громко и принужденно смеются. Соседи недоуменно оглядываются на них.

— И вот вы спросите меня: «Кто ты, Коля Обленихин? Здоровый и бодрый участник социалистического строительства, человек, который действительно готов к борьбе за рабочее дело, или обыватель, мещанин, который ставит свои личные дела выше общественных?» Вот что надо выяснить накануне пионерского слета: кем ты хочешь быть, пионер, и каким ты хочешь быть? Вот вы, Иван Сергеевич, кем вы хотели вырасти, когда вам было четырнадцать лет? Только очень, очень коротко.

— Господи, когда это было! Я позабыл! — сказал Иван Сергеевич.

Тем временем ребята из «Живой газеты» — на них черные маски с прорезями для глаз, плащи из простыней до пят, так что все они на одно лицо, — изображают все, что видят и слышат.

— А вы? — Коля кивнул на молодую железнодорожницу с неумело завитыми локонами.

— Я?

— Клава, ну что же вы, говорите! — подтвердил Коля.

— Я? Я хотела бы... Нет, не скажу! — вспыхнула Клава.

— Видите? Вы не знаете! — сказал Коля. — А вот наше первое послереволюционное поколение — знает...

— Мне хочется быть рабочей! — крикнула из зала Тамара. — Мне хочется быть рабочей! Работать где-нибудь в цеху, участвовать в общественной работе, ходить на заседания, помогать крестьянам. Мне хочется быть рабочей! Мне хочется быть рабочей!

— Молодец, Громыхалина! — Коля нашел глазами Шуру.

— А я... — начала Шура.

— Слушайте, теперь говорит Шура Климова! — объявил Коля.

Тамара Громыхалина первая одобительно захлопала. Чтобы Шуру было видно, ей освободили бочку в углу зала. Шура оглядела клуб. На нее смотрели с интересом.

— А я — я хочу быть киноартисткой.

Все в зале обернулись к Шуре.

С некоторым удивлением смотрит на нее Коля Облещихин.

— Смотри ты! Прямо Мэри Пикфорд! — говорит кто-то в зале.

— Ага, — с готовностью подхватила Шура, — Мэри Пикфорд! Вы любите Мэри Пикфорд?

— Ну?

— Так кино, чего не любить.

— Должно быть весело и красиво.

— Но ведь Мэри тоже сначала была ни-

кто, — объяснила Шура. — Но она мечтала! Я тоже знаю много разных номеров, пою, танцую, кувыркаюсь, строю разные рожки!

Зал молчит. Следит за Шурой. Слушает.

— А молодец! — сказал кто-то.

— Теперь у нас будет своя Мэри.

— Ха-ха-ха!

— Мэри в валенках!

— А чего — воспитаем, выдвинем!

— Шурка Пикфорд!

— Дитём только и пометать.

— Во-во!

Все смеются весело.

— Я не просто пометать-поиграться, — не смеется Шура. — Я хочу, очень!

— Хоти на здоровье!

— Валяй!

— Про нас не забудь!

Веселье разрасталось. Шура обиделась теперь от этого смеха и не знала, как ответить.

— Во-во!

— На машине будет ездить.

— За границу!

— В Америку!

— Жалованье большое опять же.

— Да, — сказала гордо Шура. — Деньги большие. Вот, Мэри Пикфорд около двух миллионов в год...

— Сколько? — охнул чей-то голос.

— Сама читала?

— Америка!

— Артистка!

— По-моему, есть уклон, — внимательно вслушивалась Варя.

— Какой-то есть, — пытался Коля навести порядок в зале. — Да Шура шутит!

— Товарищи! — крикнула Варя. — Товарищи, успокойтесь, она же для интереса! Ее же провокатором назначили, атмосферу подогревать!

— Она шутит, товарищи, — Коля нашел выход, успокоился. — Правда, Шура, ты шутишь?

Все снова обернулись на Шуру.

Она подождала, протянула слова тихим, но твердым голосом:

— Нет, не шучу!.. Хочу!.. Что, не имею права? — добавила она с вызовом.

— Точно уклон,— хлопнула Варя по столу ладошкой.

Общий смех зала.

На этот смех Шура отставила ножку, подняла подбородок и стала не похожа на себя. Когда смех улегся, она сказала:

— Да, хочу быть Мэри Пикфорд! Хочу! Я, Шура Климова.

Зал молча смотрел на ее ножку и на ее подбородок. Коля шепнул Варе:

— Она и вправду талантливая!

— Хочу! — зазвенел голос Шуры. — Быть знаменитой артисткой и получать, как Мэри Пикфорд, два миллиона в год.

В зале сделалось тихо.

— Ну артисткой — ладно, с деньгами-то чего сделала бы? — спросил усталый женский голос.

— Ну, — подумала Шура, — в кино ходила бы. Каждый день...

— На себя смотреть, — съязвила Варя.

— Ага, — скосила на нее глаз Шура.

Заговорило сразу несколько человек:

— Не мешай!

— Говори, говори, Шура!

— Мечтай!

— Вали, на полную катушку!

— Оттачивай свое классовое чутье!

— Тише!

Шура продолжала:

— Купила бы мороженое.

— Так, — сказал кто-то.

— Маме кофту, — продолжала Шура.

— Это правильно, — зашумели женские голоса.

— Мать забывать не надо.

— Мать в первую очередь.

— Книжки, — продолжала Шура.

— Дальше, — просили голоса, сравнивая личные замыслы с Шуриными.

— Потом купила бы небольшой дом и взяла бы туда всю нашу семью, потому что папа и мама будут старые, как сейчас бабушка, и им нельзя будет работать.

— Ага, — выдохнул голос.

Взрослые смеются. Их заражает игра Шуры, ее темперамент, ее жизнелюбие.

Улыбается мать.

Светится от гордости бабушка.

Отец хлопает в ладоши. Он добрый и хороший.

— Дома у всех будут зубные щетки и порошок. Из общей посуды есть не будем, так как правильно пишут в газетах, что это вредно, а приобретем отдельные тарелки. И вообще, чтобы в каждом доме было электричество и чисто-чисто. Дома у нас будут книги, шахматы, ковры и рояль.

— Чего? — не понял кто-то.

— Вроде гармони, — объяснили ему быстро.

— А-а, — протянул голос, — для духу, значит.

— В моей комнате будет камин. По вечерам ко мне будут приходиться подружки и знакомые моего мужа.

— Ничего себе!

— Не мешай!

Шура на Олимпе. И глаза светятся, и ресницы дрожат.

— Я буду играть им на рояле, я тогда выучусь, а гости будут танцевать. Мы будем вести культурную жизнь, играть в лото и в шахматы и говорить друг другу: «Спокойной ночи»...

— На деньги играть?

— Не на деньги, дурак, на доллары!

— И все?

— Все, — ответила Шура.

— А корову?

— Лошадь заведи.

— Автомобиль.

— А отцу пиво?

— Ему надо.

— А остальные деньги куда ж?

— Или слаба, мечты не хватает?

— Остальные деньги, — сказала Шура, — отдала б на дело индустриализации нашей Республики.

— Вот это правильно, Шура, — напомнил Коля. — Главное — общее.

— Чего ж правильно? — возразила Варя. — Ковры, камин захотела. Про отца не

забыла, а где остальные? Еще в «Живой газете» выступать хочешь.

Все заговорили, зашумели. Ребята на сцене свистнули:

— Шурка Пикфорд!

Свист подхватили остальные. Стали вставать, задвигали лавки.

— Революция! — говорил одобрительно Иван Сергеевич, наклоняясь к отцу Шуры. — Я как Никифора ни любил, а вот только побить и пришло в голову. А здесь планов на всех хватит. Революция!

Отец возбужден. Оборачивается к дочери. Смотрит на нее с ласковой гордостью. У него даже плечи расправились:

— Мать, какую мы дочь для рабочего класса воспитали!

И родные не могут сдерживать своих чувств, они обнимают Шуру, ласкают, целуют.

Коля пытается перекричать шум.

— Решайте вопрос: «Кем я хочу быть?» Это вопрос о новом человеке.

— А о старом можно?

— Помните, от этого зависит, какой будет завтра наша страна. Каким будет мир завтра!

— Пишите в «Пионер»! Крепите дружбу с «Пионером»! — проскандировали ребята из «Живой газеты», под аплодисменты зала подняв на вытянутых руках лозунг-щит: «Человек — кузнец своего счастья!»

Мимо станции проносятся поезда: в дальние страны и из дальних стран.

Приходят поезда. Уходят.

И снова тихо. Никого. Ничего. Степь. Небо.

Клуб. За окном одной из комнат идут занятия.

На стене политическая карта мира, портреты Клары Цеткин, Розы Люксембург, Карла Либкнехта. Рядом небольшая классная доска.

За небольшим столом сидят три деда, с начесанными бородами, все чем-то очень похожие друг на друга.

Шура с жаром рассказывает о международном положении, периодически показывая на карте. В зависимости от ее рассказа лица слушателей то светлеют, то мрачнеют.

Шура закончила, присела к столу, нахмурила бровки, строго кивнула одному деду:

— Товарищ Петров, к доске, домашнее задание.

Тот послушно встал, пошел к доске.

— Товарищ Васильев, читайте стих.

Другой дед поднялся, заложил руки за спину, закинул бороду, начал читать стих: «Зима. Крестьянин, торжествуя, на дровнях обновляет путь. Его лошадка, снег почуя...»

Шура остановила его:

— С выражением. И сначала.

Дед еще выше задрал бородку, глаза его помолодели, он начал «с выражением»: «Шалун уж отморозил пальчик, ему и больно, и смешно, а мать грозит ему в окно...» — И бабушка погрозила черным корявым пальцем.

Третий ученик смотрел на Шуру и радовался, что она довольна. Шура позволила себе даже улыбнуться:

— Молодец, товарищ Васильев. Стараетесь.

Товарищ Петров тоже подал голос от доски. На доске уже было написано:

«1. Мы не рабы, рабы не мы! 2. Социалистическая индустриализация есть факт политический, социальный и революционный. 3. Культурная революция — удар по невежеству, мракобесию и рабству!» Пункт «4» еще не записан.

Товарищ Петров улыбнулся и поддержал учителя:

— Здорово поднаторел, Кузьма Васильевич.

А Шура снова стала серьезной. Она встала:

— В следующий раз я расскажу вам про румынских комсомольцев.

Старики согласно кивали. Шура протянула руку:

— До свидания, товарищи!

Старики уважительно, с поклоном, по очереди пожали руку:

— До свидания, товарищ Шура!

Шура вышла из клуба. Серьезная. Самостоятельная. Ответственная. Взрослый человек.

Хозяйским глазом окинула все вокруг. Увидела плакат:

«Всем! Всем! Всем! В воскресенье, в 12 часов, по прибытии агитпоезда, на станции состоится митинг».

Шура остановилась, полюбовалась на плакат, порадовалась.

Рядом с плакатом сидел фотограф на табурете и читал «Известия». Клиентов не было. Фотограф покосился на Шуру, на плакат. Вдохнул почему-то и затем улыбнулся Шуре.

На полотне за спиной фотографа изображен рост и достижения Советской республики: аэропланы, дирижабль, рог изобилия, Волховстрой, подвоненный под будущий Днепрогэс, автомобили. И почему-то, кроме того, водопад и собака.

Шура смотрит с восторгом.

Фотограф смотрит на нее снисходительно, но и с тайной гордостью. Он достает тряпочку и начинает протирать полотно.

— А дирижабль? — говорит Шура.

Фотограф оценивающе смотрит на дирижабль, протирает его особенно тщательно.

— Он состоит из специального алюминия, — объясняет он. — Из дюр-алюминия.

— Как интересно, — вежливо замечает Шура. — Кто бы мог подумать. А выглядит он, как настоящий.

Фотограф удовлетворенно что-то бормочет.

Шура вежливо кивает: «До свидания» — и хочет удалиться.

Но фотограф боится опять очутиться в будничном одиночестве.

— Хотите сфотографироваться? — спрашивает он.

Шуре неудобно.

— Я забыла деньги, — объясняет она как можно вежливее и короче.

В фотографе борется художник с коммерсантом, оба очень настойчивы и долго кричат друг на друга, фотограф терпеливо прислушивается к внутреннему спору, а Шура поворачивается и делает несколько шагов.

— Хватит! — кричит фотограф обоим оппонентам.

— Что? — оборачивается Шура.

— Какие деньги! — говорит решительно фотограф и чувствует, как коммерсант в нем начинает кровоточить. — Какие деньги! — повторяет он, чтоб кончить внутренний спор малой кровью. — Деньги были главным при старом режиме, а сейчас новый.

Последние слова он произносит почему-то грустным голосом, художник в нем не окреп еще окончательно.

Шура вставляет лицо в отверстие между дирижаблем и гидростанцией. Над ее головой на полотне надпись: «Наши достижения».

— Улыбаться?

— Если есть причины, — саркастически замечает фотограф.

— Есть.

Фотограф смотрит в свой фотоаппарат. — А вы фотогеничны. Вам надо сниматься в кино, — шутит он.

— Правда? — вспыхивает Шура и улыбается от счастья лучше всякой голливудской актрисы.

Фотограф поражен. Он щелкает затвором.

— Я всегда считал, что здесь должны улыбаться. Дирижабль все-таки!

Дома был субботний день.

Отец был в белой рубашке, стучал кулаком по столу и кричал привычные для

этих случаев слова. Он разгружал душу: бога не было, в церковь никто не ходил, а душа требовала разгрузки и чего-то небудничного.

— Кто здесь хозяин? — кричал отец. — Кто, я спрашиваю?

Мать, как всегда в таких случаях, тихо и терпеливо плакала. Бабушка молчала, вздохнула и крестилась на икону:

— Никола-заступник, помоги!

Никола смотрел строго и молчал.

Дверь распахнулась и появилась Шура. Глаза ее, «как молнии, сверкали». Она отставила правую ножку, подбоченилась левой ручкой, отчего отец тихо содрогнулся.

— Опять? — тихим нешуриным голосом сказала Шура. — Ты же обещал!

Отец окончательно ступеялся, он любил и боялся свою необыкновенную дочь.

— Последний раз, — выдохнул он.

Шура стремительно пересекла комнату, размахивая газетой.

— Германский пролетариат голодает...

Отец замер.

— А ты?!

Отец держал в одной руке лафитник, в другой — закуску. Не знал, что делать: классовое самосознание боролось с пагубной привычкой — наследием старого режима. Наконец он нашел выход:

— С понедельника — брошу!

И опрокинул.

Шура пригвоздила его взглядом.

— В какой раз — «с понедельника»?!

Весь мировой капитал радуется на тебя. Хохочет.

Это отцу не понравилось.

Он ударил по столу. Вскочил:

— Кто здесь хозяин?

Кинулась бабушка.

Отец снова ударил:

— Кто тебя кормит?

Бабушка и мать утащили Шуру.

Отец сел за стол, налил. Потянул газету. Развернул. Прочел. Вздохнул и, подперев голову рукой, задумался:

— Да, тяжело им, германцам.

А Шура продолжала борьбу за новое.

Вырвалась из рук бабушки, бросилась к иконе. Посмотрела на нее пристально. Никола тоже смотрел на нее. Шура выдержала взгляд.

— Бабушка, бога нет!

Бабушка схватилась за голову:

— Катерина, убери ее. Христа ради!..

Мать обняла Шуру, подтолкнула к чулану:

— Иди, дочка!

Набросила крючок. Шура забарабанила в дверь:

— Бога нет! Бога нет!

Бабушка молилась:

— Господи, защити ее, она хорошая, добрая..

— Обедать будешь? — спросила мать отца.

Тот снова развернул газету, снова вздохнул, снова закачал головой.

— Какой обед? — Скупая слеза поползла по лицу. — Тяжело им...

Мать тоже вздохнула, покосилась на газету и взялась за хозяйство.

Бабушка шепчет молитву:

— Господи, помоги германцам. Не оставь! Заступись за них, господи!

Шура в чулане распевала героическую песню, она не сдавалась:

Наш паровоз, лети вперед...

Мать собрала обед, крикнула в сторону чулана:

— Слова-то не ври.

Никола смотрел на бабушку. Бабушка молилась:

— Никола-заступник, не оставь машинистов!.. Пассажиров не оставь!.. Пусть все вернутся в свой дом!..

А Шура в чулане продолжала петь про паровоз:

Другого нет у нас пути,
В коммуне остановка...

И вот он, этот паровоз, вот он, этот чудесный поезд, агитпоезд, надежда и будущее, достоинство настоящего и память о

героическом прошлом. Матросы в черных буплатах, гордость и доблесть революции, коммунары, красногвардейцы, смотрели с плакатов сурово, жестко и требовательно.

Только вперед!

В коммуне остановка!

Турксиб, Днепрогэс, Магнитка...

Больше угля!

Больше стали!

Наши трактора!

Наши плотины!

СССР строит социализм!

Из желто-голубой степи появился этот удивительный сказочный поезд, расцветенный флагами и плакатами. И застывшая желтая степь, и остановившееся небо дрогнули, не привыкшие к таким праздникам.

А Шура была готова. Она надела свое лучшее платье. Мама сама расчесала ей волосы и заколола собственной гребенкой. Бабушка расправила концы галстука и оглядела внучку. Хороша!

Шура переступила порог и пошла на праздник.

В проеме дверей стояла бабушка и крестила на дорогу свою безбожную внучку.

На станции у перрона собрался народ: ждали прибытия агитпоезда. Смотрели на флаги, читали плакаты, слушали оркестр, грызли семечки.

У фотографа сегодня было много работы. Желающие сфотографироваться на фоне «Наших достижений» выстроились в очередь. Здесь же крутились и ребята.

Появилась Шура. Торжественная. Счастливая. Красивая. Улыбнулась фотографу как доброму знакомому.

— Здравствуйте! Добрый день!

Фотограф взглянул на нее вопросительно, вспомнил и тоже улыбнулся.

— Здравствуй, девочка, добрый день!

Ребята сбились кучкой вокруг Вари, загадочно и саркастически усмехнулись, поглядывая на Шуру.

— Шура Пикфорд! Великий человек!

— Из Америки вернулась!

— Нашлась артистка! Сейчас ее возьмут в кино!

— Ищут. С ног сбились!

Все хихикают. Подошла Шура. Тоже улыбнулась.

— Шура,— начала Варя,— а ты лучше пусти жалованье на облигации индустриализации страны: и государству будет хорошо, и тебе безубыточно. Разбогатеешь еще больше.

— А,— сообщает Шура,— вот ты о чем.

Варя раскрывает журнал «Пионер» и зачитывает громко:

— «Зачем Климовой быть киноартисткой? Потому что она воспитана в меццанском духе!»

Шура неуверенно улыбается.

— Чего это такое?

— Шура, а где ты читала, что нужно быть Мэри Пикфорд? В какой газете? — спрашивает другая девочка, Наташа.

— Что можно быть,— поправляет Варя.

— А зачем об этом читать? Я сама.

— Ах, сама,— тянет насмешливо Варя.— Сама по себе. Ты лучше всех! Остальные как хотят... А ты — сама!

— Что ты говоришь?

Варя снова раскрыла журнал:

— «Почему Климова выбрала кино? Потому что в кино учиться не надо. Просто надо иметь подходящую внешность и счастье! Не берите пример с Климовой, а то нам не хватит ковров и роялей! И работать некому будет».

— Что ты там придумываешь? Артисты, знаешь, сколько работают? С утра до поздней ночи и даже по ночам.

— В артистах государство не нуждается.

— Это как сказать!

— Ты просто завидуешь,— решила заступиться за подругу Тамара.

— Я?

— Ты. Завидуешь, что не умеешь так мечтать.

— Я завидую? — Варя протянула журнал. — А почитай, что пишут в журнале «Пионер». Читай! Читай! Вслух читай!

Шура взяла журнал. Прочла:

— «Шура Климова, ты неправда...» — Подняла голову, спросила с удивлением:

— Это про меня?

— Про тебя, про тебя! Читай!

— «Шура Климова...» Ой, а откуда они знают... Как интересно!

— Знают, знают. Читай!.. Я завидую...

Шура прочла машинально:

— «На письмо Вари Новиковой, нужны ли нам Мэри Пикфорд, отвечают пионеры... Самомнение и барские замашки».

— Но ведь это неправда.

— Читай, читай, миллионерша.

— Нам не веришь, читай, что пишут.

— «Такие пионерки нам не нужны, — читала Шура. — Они не хотят обыкновенной работы, потому что у них буржуазные требования и они думают только о себе...»

Шура опустила журнал:

— Все — неправда.

— Читай, читай!

— Не буду я это читать.

— Нет, будешь! — Варя сама взяла журнал и сама стала громко читать дальше: — «Киноартистской она хочет стать, чтобы прославиться и получать миллионы...»

— Неправда! — повторяет Шура и хочет уйти.

— Нет, не уходи, послушай!

— Ты у нас самая-самая!

Шуру хватают за руки и крепко держат.

— Пустите меня. Пустите!

Взрослые заинтересовались. Узнали ребят. Заулыбались.

— Опять комедию играют.

— Ага.

— Артисты.

— Пусть побалуются.

— Им надо.

Варя стоит перед Шурой и читает ей в лицо, громко, уверенно, торжественно:

— «Ей не место в нашей Республике, пусть едет в Париж к буржуям, за коврами и ролям...»

Одобрительный смех зрителей.

Варя передала журнал Сереже:

— Теперь ты читай. Вот с этого места.

Стал читать Сережа. Забуннил:

— «А где стремление участвовать в улучшении окружающей жизни? Ничего этого у Климовой нет...»

Среди зрителей появился отец Шуры. Увидел дочь-артистку, заулыбался от гордости.

— «Даже не хочется думать, — продолжал бубнить Сережа, — что Климова пионерка...»

— Неправда, — Шура делает отчаянную попытку вырваться. — Пустите меня!

— Неправда! — повторяет Варя, заглядывая ей в лицо. — А кто хотел получать два миллиона в год?

— Да! Но...

— Так! И ты ведь хочешь, чтобы у тебя был дом?

— Да, но...

— Так! Рояль тоже хочешь? Гостям, не в клубе.

— Да, но...

— А ковры? Ковры? Было?

— Но...

Варя покраснелась. Глаза сияли. И это торжество справедливости сделали ее странно красивой и более взрослой.

— Что «но», — ласково, как ребенку, выговаривает Варя. — Ну вот видишь... Сама видишь... Расскажи нам... Всем... Сама... Как... Ты... Пришла к этому?

Шура смотрит на Варю, на ее улыбку, на присмиравших ребят, на зрителей, которые еще неуверенно улыбаются, на отца, снова на Варю:

— Варя, ты знаешь, что это неправда. Зачем ты так?

Но Варя ее не слышит, она слышит только себя.

— Так вот... Сознаться ты тоже не хочешь. Хочешь остаться сама. Оставайся... Такие нам не нужны... — Она обернулась к ребятам: — Сережа, сними с нее галстук.

— Чего? — Сережа пугается. — Да ну!..

— Наташа!

— А-а,— тянет Наташа.

Варя обводит всех взглядом, и ребята прячут глаза.

— Эх, вы! — говорит Варя.— Пионеры! Галстуки надели. С вами только революцию делать. Ладно, я сама.

— Не имешь права,— находит в себе силы Тамара.— Без Коли не имешь права.

— С тобой мы еще разберемся,— кидает на нее взгляд Варя.— Ты тоже к коврам присматриваешься, только молчишь. Знаем мы таких тихонь — потом выйдешь за какого-нибудь лавочника и будешь торговать, пролетариат обвешивать. Перерожденка!

— Да что ты,— совсем перепугалась Тамара.— Я никогда не выйду, что я, мещанка! И торговать — никогда! Я шпалы таскать буду. Хочу быть рабочей!

— Это еще надо посмотреть!

Варя снова повернулась к Шуру, протянула руку к галстуку.

И тут потрясенные зрители увидели, как по щеке артистки Шуры Климовой побежала слеза. Такого таланта они в своих краях не видели, не подозревали и не могли поверить, что может быть такой талант, поэтому они обомлели.

Но в следующий момент отец Шуры шапнул в круг, отвел Варю рукой. Другие ребята тоже отступили. Остались — дочь и отец.

— Вы уж извините, граждане, теперь я скажу! Ну, артистка, хотя я и пью, а ты мне в доме жизни не даешь, притесняешь, но зато я честный рабочий. А ты?.. Но ничего, найдем тебе дело, авось, не хуже других, и меньше выдумывать будешь! Вот! Набирают подростков на железнодорожную станцию. Тебя как дочь рабочего возьмут... Спасибо людям скажи. А в журнал напиши, что, мол, ошиблась, неправильно думала, чтоб больше не приставали.

— И что ты только говоришь! — возмутилась Шура.

— А ты что упрямилась? — стоял на своем отец.

— Так она Мэри Пикфорд, — пояснили со стороны.

— Миллионерша, миллионерша!

— Так что, теперь даже работать не хочешь? Или это не над тобой все смеялись? Или это не про тебя в журнале написали?

К Шуру протиснулась ее подружка Тамара, зашептала:

— Не переживай ты так по-честному. Скажи им что-нибудь, чтобы отстали. А станешь артисткой, тогда узнают.

Отец тряхнул дочку:

— Что ты молчишь?

— Окончу семилетку и буду готовиться в кинотехнику.

— Так, значит, и против отца? Против всех? Как газеты читать, обо всех думаешь, а здесь только о себе?

— Беги, Шура, беги! — подтолкнула Тамара, но отец уже ударил Шуру.

Сразу же на него надвинулись взрослые. Обхватили. Скрутили.

Отец пьяно вырывался. Скрипел зубами.

— Это моя дочь, я за нее перед людьми отвечаю. От своих морду воротит! За что мы кровь проливали? Чтoб они в труде нашем запачкаться боялись?..

Еще народ подскочил. Отвели в сторону. Картуз надели. Климов плакал пьяными слезами, у него тряслась голова. Ему вытирали слезы. Успокаивали. Деда подскочили. Профсоюзники. Коля. Ну, знали Климова, знали, все свои, деповские. Как напьется, так жди истории.

— У меня же Ванюша и Петя от тифа померли. Она осталась. Одна. Думал... А ей чертовина на ножках нужна... Порублю, и такой-то матери!..

— Что ты, Вася? Что ты? — говорил один из дедов.— Она же настоящее дитя пролетариата. Победившего. Гордая! Со знательная! Гордиться ты должен, что такую дочь вырастил.

— Мечтать, товарищ Климов,— говорил Коля,— наше молодое поколение должно. Обязано! Иначе за что же вы дрались?

За светлое будущее, а не за прошлую грязь!

— Правильно, — кивали деды. — Ты, Васька, слушай, товарищ Облепихин подкован на все четыре. Это нас зуботычиной да матом учили, а сейчас полный разворот на сознание, на революционную мечту.

Его уже не держали. Он уже перестал плакать. Уже кивал головой.

— Дочь у вас — сознательная, грамотная пионерка. И бить ее мы не дадим, — говорил Коля.

Отец счастливо улыбался. Обнимал Колю. Целовал.

— Люблю Шурку! Шурка, она у меня — во!

— Так что же ты, Василий? — старший из дедов подтолкнул его кулачком. — Отец твой, Иван Степаныч, только по праздникам. Держал себя в людском обличье.

Климов кивал головой.

— Ванюшка и Петенька...

— Так не у тебя одного горе, считай, десять лет мордовались: царскую да революцию. Сколько народу перепортили! Чего ж свое перед чужим горем выставлять...

Климов согласно кивал, лез обниматься:

— Родные вы мои, как я без вас!

И в это время раздался призывный паровозный гудок. Это показался долгожданный агитпоезд.

Ударил колокол. Грянул вступление оркестра, и комсомольцы запели: «Мы дети тех, кто выступал на белые отряды...»

Старшее поколение, и среди них Климов с дедами, стояло плечом к плечу. Они смотрели на флаги, вслушивались, как поет молодежь. И от всего этого, от флагов, от музыки, от слов песни, от привычной близости, они испытывали чувство знакомого и нужного счастья.

Из-за поворота показался поезд. Впереди на тендере был прикреплен плакат: «СССР строит свои гиганты индустрии».

А Шуры не было на празднике. Она убежала в степь и теперь была совсем одна.

Впереди огромный оранжевый диск солнца склонялся к горизонту. За спиной, где была станция, слышалась музыка, там продолжался митинг. А когда оркестр сильно и ровно заиграл «Интернационал», она остановилась.

Послушала. Обернулась к станции. И увидела, как из-за станционных построек строились разрисованные вагоны агитпоезда.

Мгновение она стояла, затем кинулась наперерез.

Она бежала быстро-быстро.

Но и колеса поезда стучали все чаще и ровнее.

У переезда они встретились.

Поезд пронесся мимо нее.

И моряки в черных бушлатах строго глянули ей в лицо...

И знакомые лозунги.

И знакомые портреты.

Все пронеслось мимо нее, не успела все увидеть и прочесть.

В тамбуре последнего вагона стоял человек в кожаной куртке и кожаной фуражке. Он очень серьезно посмотрел на Шуру и поднял руку.

И Шура так же серьезно отдала ему салют.

Поезд ушел. Она посмотрела ему вслед. Склонила голову на одно плечо, потом на другое и улыбнулась своим мыслям.

Поздний вечер. Дождь и ветер, споря друг с другом, бьются в окна. За окнами проносятся бесконечные платформы товарного поезда. В дальние страны!

Осторожно, чтобы никого не разбудить, Шура встает и одевается.

Спит отец. Беспokoится во сне.

Спит мать.

Бабушка.

Шура оставляет записку на столе и выходит из дому.

У станции они встретились. Тамару лихорадило.

— Ой, Шура, — говорила она, — а может,

передумаешь? Нельзя ж так. Если все начнут говорить, что думают, что ж будет?

— Социализм будет. Мы же пионеры, как мы можем врать?

— Я понимаю,— заторопилась Тамара.— Ой, Шура, какая ты! Как я тебя уважаю! Ведь ты что думаешь, то и говоришь. Ох, трудно тебе будет. Я сама иногда, так хочется на тахте с ногами посидеть и руку откинуть. Помнишь, как в том фильме? — И Тамара прикрыла глаза.

— Да? — спросила с интересом Шура.

— Потом,— снова заторопилась Тамара.— Потом, после окончательной победы. Не сейчас.

Поезд подошел. Остановился. Никто не вышел. Никто не вошел. Шура посмотрела на высокие ступеньки, взялась за поручни, поднялась, оглянулась на Тамару. Та смотрела на нее округлившимися глазами. Ударил колокол.

— Шура, хватит. Слезай. Убежим лучше. Как в прошлом году — к тетке.

Поезд медленно тронулся.

Тамара шла рядом. Потом побежала.

— Может, останешься?

Шура счастливо покачала головой:

— Я напишу тебе из Москвы.

Перрон кончился, и Тамара осталась там, а поезд с Шурой Климовой помчался в дальние страны, в дальний прекрасный город Москву.

Тамара смотрела вслед поезду.

— Ты доедешь, Шура, доедешь.

Шура улыбалась. Она была счастлива.

Всегда спокойная и неподвижная степь бежала теперь торопливо за поездом, подрагивая телеграфными столбами. Тук-тук — стучали колеса: «В Москву, в Москву».

— А-а-а!!! — кричал поезд, и его прожектор рассекал ночную тьму надвое.

РЕСПУБЛИКА ДОЛЖНА ЗНАТЬ, ЧТО ШУРА КЛИМОВА ПО ЭТУ СТОРОНУ БАРИКАД!

И портрет Шуры Климовой: в сумерках вагона ее глаза и ее улыбка.

На белом фоне — красные буквы титров:

КАКИЕ НАШИ ДЕТИ?

КАКИЕ?

КЕМ ОНИ ХОТЯТ БЫТЬ?

КЕМ?

НАВСТРЕЧУ ПЕРВОМУ СЛЕТУ ПИОНЕРОВ!

ОБЩЕСОЮЗНАЯ ДИСКУССИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР».

ПИШИТЕ НАМ!

ПИШИТЕ!

Хроника. Пионеры отправляются на слет.

На Дальнем Севере. На оленях. На собаках.

На Крайнем Юге. На верблюдах. На осликах.

На поезде. На автомобиле. На повозке. Верхом. Пешком.

Из темного пыльного туннеля выполз поезд дальнего следования, пошел через большой город, нырнул под мост — рельсы раздвоились, размножились — и замер у перрона.

ЖИЛ-БЫЛ МАЛЬЧИК ВАНЯ.

ОТЕЦ ПОГИБ НА ГРАЖДАНСКОЙ.

МАТЬ УМЕРЛА ОТ ТИФА.

ВОСЕМЬ ПОБЕГОВ ИЗ ДЕТСКИХ ДОМОВ И ИЗОЛЯТОРОВ.

КЛИЧКА: «ПУТЕШЕСТВЕННИК».

Вдоль поезда бежит мальчик-газетчик:

— Если вас интересует, что будет дальше, — читайте и выписывайте журнал «Пионер»!

Стали спускаться пассажиры.

Из ящика под вагоном вылез Ваня, тот самый беспризорник, которого выручал Федя. Отряхнулся, как собака, от пыли. Откашлялся. Над перроном протянуты лозунги: «Беспризорники — дети пролетариата», «Вырвем детей рабочих из объятий улицы».

Ваня прочел, вздохнул:

— Значит, опять облава будет. И чего они взялись?

На перроне мальчишки. Орут, беснуются:

— Ирис! Ирис! Ирис!

— «Ява» рассыпная!

— Махорка — вырви глаз! Налетай рабочий класс!

Они крутятся, приплясывая вокруг пассажиров, подталкивая их.

— Что надо, шпана? — отмахнулась одна женщина.

«Ирисники» и «папиросники» развеселились еще больше...

— Погреем ее!

Кто-то толкнул женщину, кто-то рванул из ее рук узелок с вещами. Шум. Крик. Гам. Суета.

Ваня наблюдал со стороны. Прошла тетка с корзиной. Ваня сунул руку, достал ватрушку. Попробовал. Оценил. Одобрительно покивал головой.

Вдруг свистки, крики, топот:

— Облава!

— Смывайся!

Ваня инстинктивно кинулся в сторону. Он всегда кидался к людям, а не на пустое пространство. Добропорядочные люди боялись его, а он их не боялся. Поэтому они шарахались или расступались, и он был среди толпы, как рыба в воде. Вот и сейчас, он кинулся под ноги какой-то даме, она вскрикнула. Ваня в сторону. И его не было видно. Только люди на перроне в том или ином месте начинали вскрикивать, возмущаться, волноваться.

Вынырнул он уже за зданием вокзала, опять же с тремя помидорами.

Совсем уже было перелез через забор, но замер. Рядом стоял парень в кожаной куртке. И этого парня Ваня знал хорошо, и тот соответственно.

— Здорово, Ваня, — сказал парень.

— Здорово, Петя, — ответил Ваня, не слезая, однако.

— Как живешь? — спросил Петя.

— Ничего. А ты? Хочешь помидор?

— Не хочу. Ты слезай, слезай, Ваня.

— Ага. — Ваня слез. — Ловите?

— Ловим.

— Месячник, что ли?

— Он.

— Задача. А по Южной дороге, не знаешь как?

— Сейчас по всей стране. Надо вас спасать.

— Жизнь, — посетовал Ваня. — До холодов не могли подождать.

— Давно бегаешь?

— Путешествую? Месяц.

— Ваня, ты же умный парень.

— Не дурак, — подтвердил Ваня, поедая помидоры, — зима придет, тогда можно и в хау, очень я люблю книги читать. Смотри, еще одного нашего загребли, — ткнул он рукой.

Петя взял его сначала за руку, а уж потом обернулся.

Никого не было.

Посмотрели друг на друга. Посмеялись.

— Я ж тебя знаю, Ваня.

— И я тебя. Душевный ты, Петя.

— Не надоело. Ведь старый уже.

— Привычка.

Ваня закашлялся. Повернулся спиной:

— Постучи-ка. Проветрился я, однако.

Петя постучал, не помогло.

— Дай, я тебе постучу.

— А мне зачем?

— Один татарин учил, должно помогать.

Петя подставил спину. Ваня постучал. За спиной загремел трамвай. Ваня скосил глаз в его сторону.

— Не проходит. Еще мне.

Опять покашлял. Трамвай ближе. Уже на повороте.

— Опять тебе.

Петя отвернулся:

— Ну?

Обернулся.

Ваня уезжал на колбасе. Фатально развел руками.

— Ты же меня знаешь!

Петя не рассердился. Он смеялся.

Радовался и Ваня. Но недолго.

У остановки энергичные девушки в красных косынках кинулись к нему.

Пришлось убежать.

В этот день ему пришлось побегать.

То он бежал в одну сторону. Потом обратно. То он ехал на подножке. Потом прыгивал и обгонял трамвай, уж больно погоня была приткая.

Хотел спрятаться, отсидеться, отдышаться в парадном большого дома. Приветливая женщина открыла дверь:

— Проходи, проходи, мальчик! Не робей!

Ваня шагнул вперед. Знал он разных людей, жизненный опыт у него был, но для всякого случая скользнул взглядом и обомлел, увидев родное слово «Детприемник».

Пришлось «рвать когти» изо всех сил.

— Проходи, мальчик,— саркастически повторял Ваня. И нервно смеялся. И не мог остановиться. Наконец остановился.— Нервы,— сказал он.— Пора в Крым. На Кавказ. На воды.

Мимо проехал грузовик, наполненный пойманными беспризорниками, и снова Ване пришлось шархаться и прятаться.

— Чего это они? Индустриализация. В газетах пишут, дел полно, а они разъездились.

Он выбрал прохожего.

— Скажите, гражданин, а как пройти к культурному центру?

Пожилый мужчина, на вид рабочий, осмотрел его.

— Дом культуры?

— Рынок, рынок,— объяснил Ваня.

Мужчина усмехнулся.

— Иди прямо, вдоль трамвайных путей. Выйдешь.

Снова Ваня стремительно кинулся в сторону.

Появился новый грузовик с беспризорниками. Беспризорники пели:

— Эх, яблочко, куды ж ты котишься? В детприемник попадешь, не воротись...

Машина проехала, Ваня выглянул из-за угла.

— И летом отдохнуть не дадут.

И осторожно, прижимаясь к домам и заборам, затрусил вдоль улицы.

Базарная площадь. Палатки, лари. Багажаны и карусели. Где-то играет духовой оркестр. Толпа. Толчея. Крики. Базарный день.

Ваня задержался перед большим объявлением, бросилось в глаза слово «суд»:

— «Всем! Всем! Всем! СУД. По делу о двух миллионах долларов. Подсудимая — Александра Климова, 14 лет».

Рядом с Ваней стоял мальчик в холщовой рубаше до колен, с деревянным сундучком в руке. Он читал объявление по складам и вслух. Некоторые из стоящих рядом смотрели на него, видимо, были безграмотные.

— «...От-ку-да бе-ру-т-ся...»

Ваня не выдержал. Прочел сам быстро и внятно:

«Откуда берутся ковры, рояли и камни? Прокурор — тов. В. Петров. Долой перерожденцев!»

Из толпы спросили:

— Что за камин?

— Камин,— небрежно через плечо объяснил Ваня,— печка английская. Не грелся ни разу? Ничего!

— А-а...

— А перерожденец? — спросил парнишка в холщовой рубашке.

Ваня объяснил:

— Те, что кричат за революцию, а сами только для себя стараются, как буржуи, значит, только в кепках ходят и сквозь зубы плюются.

— Понятно,— мальчик с уважением осмотрел Ваню.— А ты грамотный.

— Без этого нельзя,— небрежно бросил Ваня.

— А чего ж ты? — сказал парнишка и кивнул на лохмотья.— Мать умерла?

Ваня повернулся к нему, посмотрел немигающими беспощадными глазами:

— Сам я.

— И я сирота,— сказал парнишка.
 В толпе обсуждали:
 — Два миллиона!
 — Не рублей — долларов!
 — Четырнадцать лет! Что делают!
 — А чего ж! Молодым сейчас полный путь!
 — В бога не верят! Никого не боятся!
 — Ни родителей, никого!
 — Но доллары-то где взяла?
 — Американца убила.
 — Откуда американцы?
 — Привезли откуда-нибудь.
 — Грех-то какой, в четырнадцать лет человека убила.

— Брехня, зачем ему при себе столько денег держать.

— По-крупному работает,— сказал Ваня.— Видать, залетный. Суды-то я не люблю, но надо посмотреть, что-то новое, индустриальное.

И тут он увидел Петю, который пробирается через толпу.

— Без обеда работают,— сказал Ваня. Присел. И исчез в толпе.

Он вынырнул из толпы в другой стороне. Огляделся. И снова нырнул в толпу.

Где-то духовой оркестр играл: «Мы — кузнецы, и дух наш молод...»

Над базарной площадью поднялся воздушный шар на тросе. На нем было написано крупными яркими буквами: «СССР строит свои гиганты индустрии!»

Потом посыпались листовки. Толпа ловила, подхватывала их на лету.

Грамофоны надрывались в истоме танго.

Деревянные игрушки дергали ногами, руками, ловили птиц, буденовец рубил казачка, чекист ловил вредителя в очках, мужик играл на балалайке.

— Деревянная революционная игрушка! Деревянная революционная игрушка! Дудки, свистульки, рожки.

Яблоки, помидоры, арбузы, дыни.

«Путешественник» независимо идет вдоль рядов базара, под взглядами тетешек

и дядюшек. Некоторые предупреждающе кричат ему:

— Иди, иди!

«Путешественник» чинно кивает согласной головой:

— Знакомо, знакомо!

У одной корзины с огурцами остановился. На него замахали руками:

— Проходи! Проходи!

Это его не смутило.

— В какой гимназии вас учили, мадам?

К нему угрожающе потянулся мужик. «Путешественник» предупредительно поднял руку:

— Не трожь, я — заразный.

И мужик неуверенно остановился. А мальчишка осматривая корзину и популярно объяснил:

— Учиться вам надо, мужики, учиться! Без учебы — тьма!

Тут он моментально схватил несколько огурцов, шатнулся в одну сторону, так что все шарахнулись сразу туда, затем — в другую. Раздались крики. Началась погоня.

— Чужое брать, ворье!

Мальчишка был шустрый, толпа отстала.

...От горячих пирогов шел жар.

Силач показывал силу: поднимал лошадь. Лошадь беспомощно перебирала ногами и спокойно подавала голос.

Мужики оценивающе смотрели и кивали. Кто-то захолопал. Мужики доставали замусоленные платки, развязывали зубами узлы, кидали деньги в шляпу силача. А он шел по кругу, мокрый от пота, красивый, сильный, невозмутимый и равнодушный к деньгам.

...Около большого двухэтажного дома с балконом собралась толпа. На доме вывеска: «Чайная общества трезвости».

Толпа в основном состояла из детей и подростков. Одни были в лохмотьях, другие слишком аккуратно, по-взрослому одетые, причесанные. Все очень разные, необычные, по-особенному не домашние.

— Митинг продолжается!
 — Громче!
 — Митинг! Товарищи! Митинг продолжается! — слышится голос с балкона. На балконе мальчик, ему не более 14 лет. Но он одет так, как одевались военные комиссары двадцатых годов.

— Товарищи дети-бедняки! — поднимает оратор кулак над головой. — Батрачата! Няньки! Подпаски! Малолетние корзинщики, кружевницы, плотники! Борьба продолжается!.. Последнюю сценку мы посвящаем перерожденцам.

— У-у-у! — откликнулась площадь. — Долой!

— Это они вспоминают о павших героях... А сами...

— А-а-а... — напряглась площадь.

— Сами они готовы уже надеть галстуки и ходить в обнимку с нэпманами.

— Долой! — закричала площадь. — Долой!

— И в то время, как мы, дети пролетариата, чьи отцы дрались и погибли в борьбе с мировым капиталом, снова работаем на нэпманов, и они смеются над нами...

— А-а-а! — закричала площадь.

Сквозь толпу пробивается Ваня, закусывая на ходу пирожком.

Парнишка в холщовой рубашке увидел его:

— Э,— позвал он. — Парень.

Ваня заметил его и стал к нему пробираться.

— Они смеются над нами,— продолжал оратор,— они спрашивают у нас, пусть Вася расскажет, пусть... Они спрашивают у нас, где же твой отец? Ах, на войне погиб? За красных? Ну, иди, полы помой! Вот как они...

— Ы-ы-ы! — зарычала толпа.

— И теперь бюрократы, перерожденцы уговаривают нас, чтоб мы были послушными, дисциплинированными, чтоб мы работали. Для этого гибли наши отцы?!

— Долой!

— Долой правый уклон! — выкрикнул

оратор.— Долой бюрократов! Долой перерожденцев! Долой!

— Долой! — отозвалась площадь.

— Да здравствует революция! Долой эксплуатацию!

— Долой!

— Да здравствует шестичасовой рабочий день для подростков!

— Даешь! — отозвалась площадь.

— Сейчас мы вам покажем про перерожденцев, про врагов скрытых и заразных, как бациллы-микробы.

Зазывала выкрикивает:

— Сейчас мы вам покажем маленькое представление «Ловкая Шура». Для всех развлечение и полезное нравоучение.

Девочка, которая будет играть Шуру, выходит на сцену с деревянным щитом — изображением богатой барышни, просунув голову и руки в прорези нарисованной на щите фигуры. Она одета в те самые одежды, которые изображены на щите: клетчатая юбка, большая шляпа, украшенная маленькими розочками, лакированные лодочки, меховой воротник и сумочка, вышитая бисером. Накрашена, напудрена — все в соответствии с буржуазной модой того времени.

Ваня пробился к парнишке. Мальчик посмотрел на пирожок, слотнул слюну. Ваня заметил, извлек еще один, протянул.

Парнишка взял, из гордости спросил:

— Где купил?

— Дали,— объяснил Ваня.

— Как? — не понял парнишка.

— Так, подозвали, иди, говорят, съешь пирога. Скоро будет все общее.

Парнишка замер, соображая, и, лишь когда Ваня оскалился, он засмеялся тоже.

— Мы, беспризорники, против частной собственности.

Зазывала выкрикивает:

— Смотрите, смотрите, драма про то, как Шура любит богатое жительство... Шура,— спрашивает,— ты ведь дочь пролетария, не хочешь ли поработать?

Актриса делает неопределенный жест.

— Не хочешь ли ты песочек погрузить?

— Нет.

Зрители смеются.

— Может, ты хочешь картошку покопать?

— Не-ет.

Новый взрыв смеха.

— Ну ладно,— говорит Зазывала,— так как ты дочь рабочего, выдвинем тебя на шахту.

— Не-ет.

— Нет? Чего ж ты хочешь? На Днепрогэс? Но это надо заслужить!

Артистка отрицательно машет головой.

— Я хочу быть артисткой, хочу много миллионов...

— У-у-у! — гудит площадь.

Парнишка в холщовой рубашке смеется. В пылу откровения и признания говорит Ване:

— Хочешь, я тебя устрою подмастерьем?

У Вани замирает пирожок во рту. Он резко объясняет:

— Подмастерьем работать надо.

Парнишка не понимает.

— Я путешествовать люблю,— объясняет Ваня.— У меня призвание.

— Понимаю,— уважительно и не понимая кивает парнишка.— А я хочу учителем! Я выучусь! — И смотрит на собеседника.

Ваня согласно и одобрительно кивнул. Зазывала продолжает:

— Чего ж ты хочешь, Шура? Чего? Чего тебе не хватает? — И он драматически разводит руками.

Смех. Хлопки. Неясные выкрики.

— Я лично нашла для себя выход, как жить счастливо,— говорит Шура-артистка.— Буду артисткой, буду работать в цирке, заработаю много денег и работу брошу...

— Для себя ты решила, как быть счастливой, а остальные? А голодающие индусы?.. А пролетариат под капиталом?

Зрители внимательно слушают Зазывалу.

Шура-артистка выдерживает паузу, по-

жимает плечами, противным тоненьким голосом под барышню:

— Ну что я могу сделать, слабая девушка?

Саркастический злорадный смех.

— Продолжай дальше,— говорит Зазывала.

— Я брошу работать. Куплю хорошенький домик, рояль, трюмо, много ковров...

— Чего захотела! — смеются зрители.

— Много кресел, диванов, огромную кровать и под потолок — подушек. Заведу несколько служанок: кухарку, чтоб вкусно готовила, прачку, дворника, открою свою баню. В доме у меня будет свой телефон, фисгармония и много-много интересных развлекательных вещей. И я буду развлекаться.

— Ну а остальные? — вновь допытывается Зазывала.

И вновь Шура-артистка разводит руками и говорит противным гнусным голосочком:

— Что я могу сделать, слабая девушка?

Взрыв-хлопок заставляет присутствующих обернуться в сторону базарной площади.

Это воздушный шар выбрасывает очередную партию листовок.

А Шура-артистка накрутила ручкой граммофон, и голос Собинова запел: «Я люблю вас, я люблю вас, Ольга, как одна безумная душа поэта...»

Толпа снисходительно рассмеялась.

Беспризорник Ваня оглянулся на смеющихся, улыбнулся тоже.

— Но надо подумать, как же я буду жить дальше? — продолжала Шура-артистка.— Ведь все деньги, которые я зарабатываю, потратятся. Я сделаю так. Куплю большой дом, наберу беспризорников и буду их учить акробатике, а потом открою свой цирк, в который будут ходить зрители. И беспризорникам будет хорошо, и у меня будут деньги, и зрители не заскучают...

У Вани стали большие глаза, он вскочил на сцену:

— Беспризорники никогда не будут ишачить на вас! Долой! Круши!

Он дергает щит — изображение Шуры. Девочка чуть не падает.

— Да вы что? Это я говорила все не по правде, как артистка.

Зазывала и еще несколько ребят из «артистов» спешат ей на помощь.

Но на сцену уже выскочило несколько человек. Возникла паника. Давка. Кто-то столкнул граммофон. Пение прекратилось. Отлетела труба. Крики. Пинают щит, топчут его.

— Долой!

— За нас Красная Армия и революционеры всего мира!

Общий гвалт.

А базар продолжался. Толпился народ.

— Пирожки жареные! Пирожки жареные! Налетай!

— Деревянная революционная игрушка!

Крутились карусели.

Цыган показывал медведя. Ребятишки радовались. Женщины охали. Мужики уважительно и ласково смотрели на продавки медведя.

Продавали книги.

Сало, свинина, говядина, баранина.

Овощные ряды.

Сбруя. Кому нужна сбруя? Череседельники. Седла.

Кадки. Бочки. Дерево.

Воришку поймали, беспризорника. Поттачили за сарай. Он крутился и вырывался. Шибанули о стену сарая, мальчишка затих. Уволокли куда-то за сарай, за лабазы. Вернулись скоро, отряхивая руки.

Конный ряд.

Птица. Гуси. Куры. Утки. Чего только нет!

Мануфактура. Ситец! Налетай! Бабы долго смотрят. На свет. Щупают.

Мальчишки-зазывалы тянут за полы прохожих:

— Щей! Щей! Свежих щей!

Приезжие акробаты ходят на руках.

Сторговали поросенка. Передают из рук в руки. Он вязжит и не хочет в мешок.

Деревянные изделия. Ложки, плоски, игрушки.

За сараями лежит куча тряпья. Это мальчик-беспризорник Ваня по кличке «Путешественник». Подбежала собака, обнюхала, уселась в стороне.

Вывернулись из щели между сараями два беспризорника. Присели около Вани.

— Смотри, «Путешественника» забили.

Другой потрогал веко:

— Дрожит.

Хлопнул воздушный шар, и посыпались листовки. Дети с восторгом уставились в небо.

Собака осторожно тявкнула. Первый мальчишка посмотрел на нее, отыскал глазами камень, быстро схватил, бросил. Попал. Собака заскудила и бросилась прочь. Мальчишки смеялись.

— Мент,— крикнул один, и оба кинулись в ближайшую щель.

Появился милиционер. Склонился над Ваней. Позвал:

— Эй!

Тронул ногой. Послушал. Мальчик застонал.

— Живой. Сам идти можешь?

Милиционер огляделся, пошел звать помощь.

Бородатый мужик, в большом клеенчатом фартуке, легко поднял Ваню. За ним шел милиционер.

Извозчик поджидал их. Мужик уложил Ваню, приподнял картуз и удалился.

— Не заразный? — спросил извозчик.

— Нет, битый.

— Куда повезем, к «Крупской» или к «Горькому»?

— К «Крупской» ближе.

Лошади тронули. Ваня подскакивал на ухабах. В бреду он сопротивлялся.

— А мне не больно... — шептал он. — А мне не больно...

И пытался улыбнуться.

— Доходит,— сказал извозчик.— Не довезем.

— Ничего, живучие, выдержит.

Извозчик обернулся к милиционеру:

— Говорят, опять скоро с капитализмом будет борьба, как в восемнадцатом.

— Наше дело простое.

— К закону-то ты ближе. Про налоги... Говорят, повысят.

— Как будет, так и будет,— сказал милиционер.

— Это верно,— согласился извозчик.— Прыгать некуда.

Во дворе больницы их встретила дежурная фельдшерица.

— Тетя Маша,— позвала она.

Появилась пожилая женщина. Толстая, квадратная, в большом клеенчатом фартуке.

Больные под деревьями о чем-то разговаривали. Двое играли в шашки.

— В изолятор,— сказала фельдшерица.

Женщина стрелба мальчика и понесла к зданию. За ней шли милиционер и фельдшерица.

В изоляторе его раздели. Под кучей лохмотьев оказалось худенькое тело подростка. Из лохмотьев выпала книжка без обложки, с исчерканными страницами. Выпало надкусанное яблоко. Огрызок карандаша. Фотография. Игральная карта с трэфовой дамой. Открытка с голой женщиной.

— Какая гадость,— сказала фельдшерица.— Больше личных вещей нет?

Женщина еще раз тряхнула лохмотья:

— Нет.

— Все инфекционное. Уничтожить. Сжечь! Фамилия? Имя?

Милиционер пожал плечами. Взглянул на мальчика.

— Беспризорник. Лет... четырнадцати... Под левым ухом родимое пятно...

Фельдшерица оглянулась на пятно и стала записывать.

— Сенной рынок,— диктовал милиционер.— Дежурный милиционер Игнатьев

Владимир Степанович... Дата... Подпись...— И он рассеянно побарабанил по стеклу.

Женщина с узлом прошла на задний двор больницы, где горел костер из опавших листьев, щепок, досок. Она бросила лохмотья, и те вспыхнули и затрещали. Она бросила карту и открытку с голой женщиной. Фотографию отерла рукой и стала рассматривать.

Фотография была четырнадцатого года. Наклеенная на картон, с тиснением, виньеткой и медалями. На рисованном фоне изображены таинственные романтические дали: какие-то необыкновенные горы, облака, деревья, обломки удивительного дворца. Впереди на кресле, в длинных одеждах, с ребенком на руках сидела женщина. Одной рукой она опиралась об обломок мраморной колонны. Мужчина стоял. Он стоял рядом, торжественный и красивый, готовый в любую минуту придти на помощь женщине. Шляпу он держал в руках. Он не улыбался. Он был серьезен. А женщина светилась тихой улыбкой, как могут улыбаться только матери. И двухлетний карапуз таращил свои глаза, ожидая, когда же вылетит обещанная птичка.

Тетя Маша еще раз отерла фотографию и бросила ее в огонь. Пламя кинулось на романтические дали, облака, деревья, людей...

Женщина посмотрела книжку. Увидела картинку, на ней несколько лебедей уносили покрывало, на котором сидела девушка. И тетя Маша улыбнулась. Она свернула книжку и сузнула ее за фартук. Оглядела костер и ушла неторопливо.

Фотография еще сопротивлялась, и можно было разглядеть удивительный дворец, и мужчина все еще стоял, прямо и гордо глядя перед собой, готовый в любую минуту придти женщине на помощь. Шляпу он держал в руках. А женщина улыбалась тихо, она знала, что мужчина стоит рядом, и была спокойна.

Потом фотография потемнела, загорелся картон, и пламя поглотило изображение неизвестного замка и неопознанных людей.

По старой булыжной улице старого губернского города шагает пионерский отряд. Бьет барабан, Звенит горн. Прохожие уважительно смотрят на пионеров.

Пустое поле испордома. Одинокий аэроплан. Равномерные удары железа о железо. Где-то рядом бубнят голоса деда, аэродромного сторожа, и Даши. Безоблачное небо. Августовское солнце.

Сторож поправил буденовку, чиркнул спичкой о берданку, закурил, Даша с восторгом смотрела на этот фокус. И в это время, в это прекрасное время, они услышали незнакомый, неведомый звук — заработал мотор. Раскрытыми от изумления глазами смотрели они, как крутится, превращаясь в невидимость, пропеллер.

— Крутится,— засвидетельствовал дед.

— Федор, крутится!

Федя позволил себе впервые улыбнуться.

Воздухоплавательное сооружение двинулось с места и вдруг, как насекомое, поползло по полю.

Дед и Даша неуверенно и глупо улыбались.

Аэроплан развернулся в конце поля. Остановился. Громче загудел пропеллер.

— Чего будет? — вертел головой дед.

Федя выдохнул воздух. Вытер руки о рубашку. Оттуда, из-за горизонта, грянул марш. Федя потянул ручку.

Аэроплан сорвался, быстро побежал к дальнему забору. Все ближе и ближе.

Оторвался...

И скользнул над самым забором.

— Давай,— закричал дед.— Давай, Федюша! Не выдай!

Даша тихо гордилась.

— Какой ты, Федя! Какой!

Дед схватил берданку, шарахнул в воздух и погрозил кулаком:

— Живыми мы не дадимся!

А Федя летел. С дальнего горизонта грянула любимая песня, и пел ее хор мужественными красноармейскими голосами:

— «Но от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее!..»

А Федя летел.

Он летел над птичьим двором, и птицы волновались, а люди поднимали головы от земли, и в глазах у них было изумление и надежда.

Он летел над старым монастырем. И красноармейцы смотрели на Федю. И они тоже узнавали его, все в городе знали этого чудного мальчишку. Часовой задрал голову и сказал вышедшему из дома командиру:

— Наш мальчонка, товарищ командир. Полетел.

И храбрый командир кивнул головой:

— Наш. Наш!

А аэроплан летел над старыми деревьями, над старыми крышами, над старыми улицами с новыми гремящими названиями. И увидели его три шофера, и один из них инстинктивно кинулся к своей машине, и все потом глупо улыбались и качали головой. И всем чего-то не хватало.

Увидели Федю «несознательные элементы» и тоже открыли рты, потому что узнали Федю.

Шел по улице пионерский отряд, и когда мелькнула над ними тень аэроплана, пионеры сбились в кучу и долго кричали и били в барабан и трубили в горн.

В тракторе, где хозяин лениво отмахивался полотенцем от мух, а мужчины сонно говорили про жизнь, хозяин вдруг вскочил из-за прилавка, упираясь рукой в окно, открыв рот, и наконец выговорил:

— Твой... Твой, Алексей, твой! — И глупо рассмеялся от удивления и счастья. — Летит.

Мужчины высыпали на улицу, и впереди, на одном костыле, одноногий дядя Аляша.

— Жарь, Федюня, жарь! А!.. Туды их растуды! Наша взяла! Всем ставлю! Даешь! Даешь мировую!

— А-а! — подхватили остальные и стали обниматься, так как причина для праздника была налицо.

И в старой больнице имени Парижских коммунаров тоже увидели и узнали Фе-

дью. И больные в саду заволновались, как птицы перед перелетом, и замахали, закричали:

— Сережа!

— Сергунька, летят!

И Сережа, лучший друг Федя, заволновался у окна, но ничего не было видно, только слышно, а встать он не мог, нога была на вытяжке. И тогда взрослые больные закричали аэроплану, замахали руками:

— Сюда, сюда, с этой стороны.

И Федя услышал и пролетел с «этой» стороны. Он увидел друга в окне и улыбнулся ему. И друг кивнул ему счастливо и благодарно. Гордый за них обоих. И за их мечту.

Молодые красивые медсестры вышли на крыльцо и с удивлением смотрели на самолет.

— Его дружок,— охотно объясняли взрослые больные и кивали в сторону Сережи.

— Надо же,— говорили медсестры иправляли белые крахмальные шапочки.— Надо ж! Вот вам бы так,— выговаривали они взрослым больным.

— А чего? — с удовольствием гудели взрослые больные.— Мы тоже. Подлечимся. Заправимся духом. И полетим. А как же! Надо!

А Федя продолжал свой полет над городом.

Двое мальчишек в буденовках выскочили верхом на знакомой нам злополучной свинье, увидели Федю, закричали «ура» и скатились на дорогу.

На городском пруду двое «отступников», бывших Федяных соратников, вынырнули из воды, только не кричали, как другие, и не радовались, а боялись посмотреть друг на друга.

И потом Федя летел над мастерской бывшего летчика. И бывший летчик слушал граммофон. Чинил часы. И он услышал знакомый звук. И остановил граммофон. И осторожно поднял голову. И тогда

самолет скользнул над ним, качнув крыльями.

Прибежала жена, кинулась бесновойно к мужу. Кажется, впервые была встревожена.

— Коля, ты видел?

Муж улыбался.

— Сегодня шабаш. Готовь белую рубашку. Пойдем к Гришине. Праздник.

А Федя летел. Все дальше и дальше. И гремел марш о непобедимой родной Красной Армии. А внизу, на стене нового завода, на громадном плакате рабочий разбивал цепи молотом и алела надпись: «Только своими руками пролетариат разобьет цепи рабства, эксплуатации и невежества!»

Федя летел как верность, как надежда, как мужество, как будущее!

ЖИЛИ-БЫЛИ ФЕДЯ, ВАНЯ, ШУРА...
В БОЛЬШОЙ СТРАНЕ — РЕСПУБЛИКЕ СОВЕТОВ.

ЖИЛИ-БЫЛИ МАЛЬЧИКИ И ДЕВОЧКИ.

ОНИ МЕЧТАЛИ,
УЧИЛИСЬ
И РАБОТАЛИ.

Документальные портреты из хроники.

Портреты наших героев.

ОНИ ЛЮБИЛИ СВОЮ СТРАНУ,

ОНИ ГОРДИЛИСЬ ЕЮ.

ОНИ ВЫРОСЛИ.

ИМ

И ИХ ДЕТЯМ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТОТ ФИЛЬМ.

Полная чаша стадиона. Тысячи глаз. Тысячи улыбок. Тысячи галстуков. И мальчишеский голос:

— И мы, юное поколение страны Советов, клянемся нашему большевистскому ЦК, что, как наши отцы и старшие братья, мы готовы отдать все — до последнего дыхания, до последней капли крови — ради освобождения рабочего класса!..